Три метра над небом. Навеки твой

Автор:
Федерико Моччиа

Три метра над небом. Навеки твой

Федерико Моччиа

Три метра над небом #1

На улице встретились двое – Баби и Стэп. Баби – отличница, девушки ее круга носят Onyx и говорят о последних веяниях моды. Стэп – парень из уличной банды, днем он сидит с дружками в баре или жмет гири в спортзале, а вечерами носится по городу на мотоцикле или гоняет шары в бильярдной. Они из разных миров, но они полюбили друг друга. Теперь Баби не узнают даже родители, а Стэп внезапно открывает в себе качества, которые совсем не вяжутся с образом грубого мачо…

Федерико Моччиа

Три метра над небом

1

«У Кати жопа лучше всех в Европе». Алая надпись нахально пламенеет на колонне эстакады над корсо Франча.

Каменный орел, сидящий рядом, наверняка знал, кто это сделал, но сказать не мог.

А чуть ниже, словно орленок, укрытый хищными когтями мрамора, сидел он.

Короткие. Почти ежиком, волосы, высокий воротник, как у морского пехотинца, темная куртка Levi’s.

Воротник поднят, сигарета в зубах, очки Ray-Ban. Вид суровый, хоть и нет в этом нужды. Улыбка у него чудная, но мало кому удавалось ее увидеть.

Несколько машин внизу, под эстакадой, притормаживают перед светофором. Выстроились в ряд, как на соревновании, хотя все такие разние. Двухсотый, New Beatle, Micra, американская (не разберешь, какая), старый Fiat Punto.

В двухсотом Mercedes худенький палец с обгрызенным ногтем нажимает на кнопку. Из колонок выплескивается голос какого-то рок-певца. Машина вновь вливается в поток. Вот бы знать, «Where is the love…». И вправду ли любовь существует? Сейчас ей хотелось только одного: чтобы сестра на заднем сиденье перестала беспрестанно напевать: «Дай мне любовь, я хочу любви».

Mercedes промчался мимо, как раз когда докуренная сигарета упала на землю, отброшенная точным щелчком и порывом ветра. Он спускается по мраморным ступеням, одергивает джинсы и вскакивает в седло синей Honda VF 75 °Custom. Как по волшебству всклинивается между машин. Правая нога обута в Adidas, переключает скорости, запускает мотор, и он как на волне влетает в общий поток.

Восходит солнце, чудесное утро. Она едет в школу, а он не ложился с прошлой ночи. День как день. Но на светофоре они останавливаются бок о бок. И день не будет похож на другие.

Красный.

Он смотрит на нее. Стекло опущено. Прядь светлых, пепельного оттенка волос приоткрывает нежную шею. Легкий, но решительный профиль, голубые глаза, взгляд ясный и ласковый, веки полуопущены, она наслаждается песней. Эта безмятежность поражает его.

– Эй!

Она удивленно поворачивается к нему. Он улыбается, остановив мотоцикл рядом, у него широкие плечи и чересчур загорелые для середины апреля руки.

– Хочешь прогуляться со мной?

– Нет, я еду в школу.

– Ну так не езди, пропусти. Я тебя заберу у школы.

– Извини, – она улыбается натянуто и фальшиво. – Я не так выразилась. Я не хочу с тобой встречаться.

– Со мной весело.

– Сомневаюсь.

– Тебе ни о чем не надо будет беспокоиться.

– А я и не беспокоюсь.

– А в этом уже я сомневаюсь.

Зеленый.

Mercedes срывается с места, и его самоуверенная улыбка гаснет. Отец поворачивается к ней:

– Кто это? Твой знакомый?

– Нет, папа, кретин какой-то.

Через несколько секунд Honda снова рядом. Он облокачивается на стекло, правая рука легко касается газа, как будто он еще заботится о безопасности.

Беспокоится только отец.

– Что это за негодяй? Почему он подъехал так близко?

– Папа, успокойся, я сама с ним разберусь.

Она решительно оборачивается к парню.

– Слушай, тебе что, делать больше нечего?

– Нечего.

– Ну так найди чем заняться.

– Я уже нашел.

– И что же?

– Прогуляться с тобой. Я тебя привезу к «Олимпике», на мотоцикле мы быстро доберемся, потом позавтракаем, а потом я тебя доставлю в школу к концу занятий. Обещаю.

– Не верится что-то в твои обещания.

– Ну же, – улыбается он, – ты уже столько обо мне знаешь, скажи правду, я ведь тебе понравился, да?

Она смеется и качает головой.

– Ну все, хватит, – и открывает учебник, извлеченный из кожаной сумки Nike – я займусь тем, что мне и вправду беспокоит.

– Чем же?

– Экзаменом по латыни.

– А я думал, сексом.

Она устало отворачивается. Теперь она не улыбается даже притворно.

– Убери руку со стекла.

– А куда мне ее положить?

Она нажимает кнопку стеклоподъёмника.

– Я бы тебе сказала, да не могу при отце.

Стекло поднимается. Он ждет и отдергивает руку в последний момент.

– Еще увидимся.

Он уже не слышит ее сухого «НЕТ». Легко кренит мотоцикл вправо. Закладывает вираж, набирает скорость и быстро исчезает среди машин. Mercedes спокойно продолжает свой путь к школе.

– Да ты знаешь, кто он? – Голова сестры просовывается между сиденьями. – Его называют супер-парень.

– А по-моему, просто идиот.

Она открывает учебник по латыни и повторяет ablativus absolutus. Вдруг прерывается и смотрит вдаль. А о чем же она больше всего беспокоится? Уж во всяком случае, не о том, о чем говорил этот тип. И все равно они больше не увидятся. Она решительно принимается повторять дальше. Машина сворачивает налево, к школе Фальконьери.

«Мне не о чем беспокоиться, и я его больше не увижу».

Она не знает, как ошибается. В обоих случаях.

Бледная луна светит сквозь верхушку дерева.

Отдаленный шум. Из какого-то окна доносятся звуки медленной, приятной музыки. Ниже – белая разметка теннисного корта сияет в бледном лунном свете, дно пустого бассейна печально ждет лета. На первом этаже дома светловолосая невысокая девушка с лазурными глазами и бархатной кожей с сомнением разглядывает себя в зеркале.

– Тебе нужна черная майка от Onyx?

– Не знаю.

– А синие брюки?

– Не знаю.

– Ты слаксы надевать будешь?

Даниела стоит в дверях, смотрит на Баби, на раскрытые ящики, разбросанную повсюду одежду.

– Тогда я возьму…

Даниела подходит, переступая через разноцветные Superga, разбросанные по полу, все тридцать седьмого размера.

– Нет! Не возьмешь, потому что я хотела!

– Я все равно возьму.

Баби резко поднимается, уперев руки в боки:

– Извини, но я даже не надевала…

– Могла и раньше надеть!

– Ага, а ты мне все растянешь?

Даниела насмешливо глядит на сестру.

– Чего! Шутишь? Да ты сама надела мою синюю юбку, и теперь я в ней болтаюсь, как карандаш в стакане.

– Ну и что? Ее растянул Малыш Бранделли.

– Чего? Тебя лапал Малыш, и ты мне ничего не сказала?

– Да нечего там рассказывать…

– Есть чего, судя по юбке.

– Ничего особенного. Помнишь, вчера я сказала маме, что пойду заниматься к Паллине?

– Так, и что дальше?

– Так вот я пошла в кино с Малышом Бранделли.

– Ну и?

– Фильм оказался так себе, да и парень, если приглядеться, тоже.

– Ну, ближе к делу. Как он залез тебе под юбку?

– Ну, фильм уже шел минут десять, а он все вертелся в кресле. Я подумала: ну да, кинотеатр неудобный, но, по-моему, Малыш перебарщивает. А потом он повернулся чуть-чуть и положил руку на спинку моего кресла. Слушай, а что если я надену костюмчик, зеленый, с пуговками спереди?

– Не отвлекайся!

– В общем, со спинки рука переползла мне на плечи.

– А ты что?

– А я ничего. Сделала вид, что не замечаю. Типа, фильм смотрю, как прибитая. И тут он притянул меня к себе о поцеловал.

– Тебя поцеловал Малыш Бранделли! Вау!

– Чего ты так кричишь?

– Ну, он же такой классный!

– Да, только воображает много… Все время перед зеркалом вертится, прихорашивается… Так вот, потом он решил меня завоевать окончательно. Купил мне мороженое. Мммм…вкуснятина. Я отвлеклась, и он начал шарить руками все ниже и ниже, слишком низко, по-моему. Я его отодвигаю, а он не шевелиться, схватился за юбку. Ну…и растянул.

– Вот козел!

– Ну да, он и не подумал перестать. А потом, знаешь, что он сделал? Расстегнул брюки, взял мою руку и направил вниз. Ну, туда, на свою штуку…

– Ого! Нет, он точно козел! А ты что?

– Пришлось пожертвовать мороженым. Сунула его прямо ему в расстегнутые штаны. Он аж подпрыгнул!

– Молодец! Ты его сделала!

Девчонки громко ржут. А затем Даниела под шумок уволакивает сестрин зеленый костюм.

В глубине дома, в кабинете, на мягком кашемировом диване Клаудио набивает трубку. Ему нравится эта возня с табаком, но, впрочем, это всего лишь компромисс. Ему больше не дают курить дома Мальборо. Жена его, заядлая теннисистка, и помешанные на здоровом образе жизни дочери всякий раз

отбирали у него зажженную сигарету, так что он перешел на трубку.

– Клаудио, ты готов?

– Да, солнышко.

В маленькой ванной, между комнатами сестер, Даниела жирно подводит глаза.

– Накрасилась, как проститутка!

– Это из-за Андреа.

– Какого Андреа?

– Паломби. Я познакомилась с ним у школы. Он трепался с Марой и Франческой из четвертого. А когда они смотались, я ему сказала, что учусь с ними в одном классе. Я вот сейчас накрашена, так на сколько лет выгляжу?

– Ну да, ты выглядишь старше. Меньше пятнадцати не дашь.

– Но мне и так 15!

– Девочки, вы готовы?

Раффаэлла, стоя в дверях, включает сигнализацию. Быстро проскакивают Клаудио и Даниела, последней появляется Баби. Входят в лифт. Итак, вечер начинается. Клаудио поправляет узел галстука. Раффаэлла взбивает волосы. Баби одергивает темный с широкими плечиками жакет. Даниела смотрится в зеркало, уже зная, что встретит взгляд матери.

– По-моему, ты слишком сильно накрасилась. Ладно, пускай, и так мы опаздываем, как всегда.

Фьоре, превратник, поднимает шлагбаум.

Мерседес ждет их.

3

Ребята с мотоциклами, мощными, как их мускулы. Ачи, Полло, Лукконе, Хук, Сицилиец, Банни, Стелло и другие. За этими прозвищами тянется дурная слава. Работать они не работают. А у некоторых и денег толком нет, но они постоянно оттягиваются и постоянно вместе. Собственно, этого им и хватает. Они не прочь на кого-нибудь наехать, и обычно одним лишь наездом дело не кончается. Они торчат здесь, на площади Джачини на Harley. Парни грезили этими машинами, вздыхали по ним, и наконец добились своего – выклянчили у родителей. Ну, или вытащили из карманов когого-нибудь лоха – оставил бумажник в бардачке Scarabeo или во внутреннем кармане курточки Henry Luard – чего бы и не обчистить!

Они стоят неподвижно, ухмыляются, треплются о чем-то. У них крепкие руки со ссадинами и разбитыми костяшками – память недавней драки. Джон Милиус сходил бы по ним с ума.

Я тут узнал, что на виа Кассиа гулянка. В доме 1130. Это жилой комплекс – говорит Скелло.

– А нас туда пустят?

– Я там одну знаю, – успокаивает Скелло.

Визг тормозов, скрип покрышек – левый поворот. Кто-то проезжает, все тормозят на красный. А затем на полной скорости несутся на Кассиа.

Два года назад. Окрестности кофе «Флеминг».

– Привет, Стефано!

Ему на встречу идет Аналлиза, очаровательная блондинка с которой он познакомился в «Пайпер». Стефано останавливается.

– Что ты тут делаешь?

Да так, ничего. Занималась у друга, теперь вот еду домой.

И тут кто-то сзади сдернул с него шапочку.

– Десять секунд – и чтобы тебя здесь не было!

Перед ним стоит Поппи, мерзкий тип, старше его. Шапочка у него в руках. Модная между прочим шапочка. На Вилла Фламиния у всех такие. Цветная, связанная в ручную на спицах какой-нибудь девушки. Правда, это подарила ему мама – девушки у него еще не было.

– Слышал? Слил отсюда.

Аннализа оглядывается вокруг, и сообразив пятится. Стефано слезает с мотороллера. Компашка Поппи подходит к нему. Они ржут, передавая друг другу шапочку, пока она снова не оказалась в руках Поппи.

– А ну отдай!

– Не, вы слышали? Вот дает. Отдай – Поппи передразнивает его и все смеются. – Чего ты мне сделаешь, а? Врежешь, может? Ну давай. Давай врежь мне.

Стефано смотрит на него, но от ярости почти ничего не видит. Он замахивается, но руку тут же перехватывают сзади. Поппи перебрасывает шапочку кому-то рядом и бьет Стефано прямо в правый глаз, раскроив ему бровь. Потом тот ублюдок, что держит Стефано сзади толкает его вперед, на металлическую ставню кафе. Стефано с жутким грохотом валится грудью прямо на створку. На него тут же обрушивается града ударов. Потом его кто-то переворачивает. Он прижимается, совсем ошалев к этой ставне. Пытается прикрыться, но не получается. Поппи заводит ему руки за шею и держит, прижав к металлическим трубам ставни. Поппи бьет его по голове. Стефано пытается защититься как умеет, но его держат со всех сторон. Из носа течет кровь, где-то кричит женщина:

– Перестаньте, отпустите, вы же его убьете! Это наверное Аналлиза. Стефано пытается пинаться ногами, но ноги не слушаются. Вокруг только шум ударов. Даже почти не больно. Бегут взрослые, какие-то прохожие, владелица бара: «Убирайтесь от сюда!» Парней оттаскивают от него за майки, за куртки. Стефано сползает по ставне, падает на ступеньку. Перед ним его Vespa, поверженная как и он.

– Тебе плохо, мальчик? – красивая женщина наклоняется к нему. Стефано мотает головой. Мамина шапочка валяется на земле.

– Это ты, Стефано? Силуэт матери вырисовывается в дверях кабинета.

– Да мама, я иду спать!

Мать чуть приблежается.

– Ты не заболел?

– Да нет, мам, все нормально.

Стефано хочет дойти до коридора, но мать его опережает. Щелкает выключатель, его заливает свет. Стефано застывает как на фотографии.

– О Господи! Джорджо, иди сюда, скорей!

Прибегает отец, мать испуганно касается подбитого глаза Стефано.

– Мама, мне же больно!

Отец разглядывает раны на руках, изодранную одежды, испачканную шапочку.

– Признавайся, тебя избили?

Его отец всегда внимателен к деталям. Стефано более или менее точно изложил, как было дело, и мать, не понимая по каким правилам живут шестнадцатилетние, завела:

– Но почему ты не отдал им шапочку, я бы тебе связала другую…

Вызвали семейного врача, тот дал ему аспирин и отправил спать. Прежде чем заснуть, Стефано решил: больше никто не посмеет его избить. Поплатится всякий.

За стойкой концелярии сидит женщина с ярко-рыжими волосами, длинноватым носом и глазами навыкате. Да уж, не красавица.

– Здравствуй, ты записаться хочешь?

– Да.

– Имя?

– Стефано Манчини.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, 21 июля будет.

– Адрес?

– Франческо Бендзиачче 39.

– Телефон? Просто для отчетности…

– Ну уж не затем, чтобы играть в видео покер.

Глаза на выкате смотрят на него еще секунду, затем снова утыкаются в бланк.

– Сто сорок пять евро. Сто за запись, сорок пять ежемесячная плата.

Стефано кладет деньги на стойку.

Женщина сует их в папку на молнии и кладет их в верхний ящик стола. Затем, прижав печать к губке, пропитанной чернилами, решительно оттискивает на пропуске: «Будокан».

– Плату вносить в начале месяца. Раздевалка этажом ниже. Мы работаем до девяти вечера.

Первые недели минуют, становятся легче, уже не так болят плечи, руки стали толще. Он начинает увеличивать вес, ноги тоже укрепляются. Меняет питание. Утром – Протеиновый коктейль, яйцо, молоко, печень трески. На обед немного пасты и бифштекс с кровью, пивные дрожжи и пророщенные зерна. Вечером – в спортзал. Всегда. Чередовать упражнения, один день – на верхние отделы, другой – на нижние. Мышцы сходят с ума от нагрузки. Отдых им – только в воскресение, очень по-христиански. А в понедельник снова к барьеру. Килограмм за килограммом, неделя за неделей, шаг за шагом – поэтому его прозвали Ачи. Он подружился с Полло и Луконе и со всеми в спортзале.

И был день. Прошло восемь месяцев. Поппи со своей кодлой сидят перед кафе «Флеминг», ржут, прикалываются, хлещут пиво. Кто-то ест пиццу с помидорами, с пылу с жару, облизывая стекающий с помидоров сок. Кто-то курит.

И Аннализа тоже там. С того самого вечера она не звонила, не искала с ним встречи. Но это ничего. Ачи не такой, он не станет хныкать от одиночества. С того самого дня он ничего не слышал об этой шайки. И вот настал день, и он, немного взволнованный, пошел их искать.

– Эй, Поппи, чувак, как жизнь?

Поппи глядит на этого странного чужака, что идет прямо на него. Что-то в нем есть знакомое…может, глаза…или цвет волос? Может, черты лица? Нет, не вспоминается. Он хорошо сложен: мощные руки, отличный торс. Ачи поймав вопросительный взгляд, улыбается, наслаждаясь.

– Мы кучу времени не виделись, так ведь? Как жизнь-то?

Ачи дружески обнимает Поппи за плечи.

– Извени, чувак, я что-то тебя не припомню.

– Ты меня прямо огорчаешь. Погоди-ка. Вот – узнаешь? – он достает из кармана джинсов шапочку.

Поппи изучает этот старый кусок шерсти, затем переводит взгляд на лицо этого ухмыляющегося типа. Глаза…Волосы…Ну конечно! Это тот лошок, которому он когда-то навешал.

– Что, память-то девичья? Приветик Поппи – Ачи притягивает его к себе и сразу, мощным ударом – разбивает ему нос.

Ачи уже сидит на нем верхом, держа его за горло. И лепит ему правой – удар, еще удар – сверху донизу, разбивает бровь, губу.

Отступает на шаг – и пинает в жирное брюхо, в солнечное сплетение, так, что тот задыхается.

Кто-то из дружков Поппи пытался влезть, но Сицилиец быстро их тормозит: «Э, слышь ты, остынь, сиди, не дергайся».

Поппи на земле, Ачи охаживает его ногами – по груди, по животу. Поппи пытается свернуться, закрыться, но от ударов Ачи не уйдешь. Он бьет везде, где можно, потом начинает топтать. Размахивается – и каблуком его, каблуком. Сильно, спокойно – по ушам (тут же раскроил), по ногам, по ребрам, почти запрыгивая на врага всем весом. Поппи отползает от ударов, двигаясь скачками, канючит жалобно: «Перестань, ну перестань, ну хватит!» – захлебывается кровью в горле, сплевывает слюну, что течет с рассеченной, кровоточащей губы. Ачи останавливается. Восстанавливает дыхание, попрыгав, смотрит на врага – поверженного, разбитого. Резко поворачивается и бросается на блондина за спиной. Это он держал его сзади – восемь месяцев назад. Бьет его локтем в раскрытый рот, бросившись всем телом. Три зуба выбиты. Два падают наземь. Ачи подсекает его под колени. Охаивает по морде кулаками. Схватив за волосы, тянет его к земле. И тут его вдруг обхватывают сильные руки. Это Полло. Подхватив под мышка поднимает: «Все, хватит, Ачи, сваливаем, ты же его убьешь так.»

4

Душная комната, из огромных окон виднеется «Олимпика». Картины на стенах, одна, точно, кисти Фантуцци. Четыре колонки по углам исторгают звуки хорошо сведенного диска. Музыка опутывает гостей, в разговоре все отбивают темп.

– Ой, Дани, а я тебя и не узнала. Ты как Бонопани, та дура из третьего «б», она еще утром явилась вся перемазанная, – говорит Джулия.

– Ты прямо-таки сама любезность.

– Ну мы же с тобой подруги?!

Джулия наклоняется вперед:

– Поцелуемся и помиримся?

Даниела улыбается. Только хотела поцеловать подругу – как вдруг за ее спиной появился Поломби.

– Андреа!

Она отрывается от щеки Джулии, надеясь применить свое умение на его губах.

– Привет, как жизнь?

Андреа мешкает с ответом:

– Да ничего, а у тебя?

– Отлично!

Они обмениваются поспешным поцелуем. Он идет поздороваться с каким-то своим другом. Джулия подходит к Даниеле и улыбается, стоя рядом:

– Не беспокойся, это он перед другими выпендривается.

Они еще некоторое время глядят ему в след. Андреа говорит с кем-то, потом поворачивается, снова глядит на нее – и неожиданно расплывается в улыбке. До него наконец дошло.

– Вот черт! Ты так накрасилась… Я тебя просто не узнал!

Баби идет по залу. Кто-то из девочек танцует. В углу самодеятельный диджей пытается потягаться с диджеем Франческо, ставя без всякого успеха рэп. Одна девочка отрывается в танце, выбрасывая вверх руки.

Баби улыбаясь, качает головой.

– Паллина! (Катина)

Оборачивается – круглое лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами и диковатой челкой сбоку.

– О, это ты, Баби! – подбегает к ней, обнимает, целует, едва не оторвав от земли. – Как жизнь?

– Лучше всех. Ты к латыни подготовилась? Имей в виду, завтра тебя спросят. Только ты и осталась.

– Да знаю, знаю, я весь день учила, но потом надо было поехать с мамой в центр. Смотри, что я купила, как тебе? – она делает пируэт, подходящий скорее для балерины, чем для манекенщицы, чтобы раздуть миленький комбинезон из синего атласа.

– Не плохо…

– Привет, Баби, – к ним подходит симпатичный молодой человек с черными кудрями и белой кожей.

– Привет, Демо, как жизнь?

– Лучше всех. Ты видела, какой у Паллины комбинезон?

– Да. И если не принимать во внимание мою теорию, то ей очень идет. Пойду поздороваюсь с Робертой, – улыбнулась Баби, – я ее еще не поздравила.

Она уходит, Демо смотрит ей вслед.

– А что это за теория, о чем она?

– Да так, фигня всякая… У нее тысяча теорий и никакой практики. Ну почти что.

Паллина смеется, затем переводит взгляд на Дему. Их взгляды на мгновение встречаются. Возможно, на этот раз они не правы.

– Пойдем потанцуем… – Паллина тянет его к танцующим.

– Привет Роди, поздравляю!

– О, привет, Баби – они от всей души обмениваются поцелуями.

– Тебе понравился подарок?

– Чудесный, правда. Как раз то, что я хотела.

– Мы знали… это я придумала. Но ты как забивала на первые уроки, так и забиваешь, хотя вроде и живешь не так далеко.

За спиной появляется Малыш Бранделли.

– Что это вы тут делаете?

Баби оборачивается с улыбкой, но, увидев Бранделли, скисает.

– Привет, Малыш.

– Ты знаешь, мне подарили замечательный радио-будильник!

– Да, правда, очень миленький.

– А знаешь, Малыш мне тоже такой замечательный подарок сделал!

– Неужели? И что же это?

– Подушку, всю в кружевах. Я ее уже даже на кровать положила.

– Ты поаккуратнее, а то еще попросит ее опробовать, – и, одарив Бранделли натянутой улыбкой, Баби уходит на террасу. Роберто смотрит ей в след.

– Мне правда понравилась подушка. Очень. На самом деле, она не прочь опробовать ее – с ним.

Малыш улыбается ее:

– Я верю, верю. Извини, но мне пора.

– Но… подожди, скоро пасту подадут! – кричит она вслед, пытаясь хоть как-то его остановить.

На выложенной кирпичами террасе стоят мягкие кресла со светлыми подушками, расшитыми цветами, навес из вьющихся растений, рассеянный свет ламп струится из-за побегов. Баби прогуливается. Свежий ночной ветерок играет ее волосами, ласкает кожу, уносит аромат духов и заставляет слегка дрожать.

– Что мне сделать чтобы ты меня простила?

Баби тихонько улыбается, кутаясь в жакет.

– Не спрашивай. Не зли меня.

Малыш подходит к ней:

– Такая чудесная ночь… Глупо тратить ее на ссоры.

– А мне нравится ссориться.

– Я заметил.

– Но мне нравиться и мириться. Даже больше нравится. Но сейчас, не знаю, почему, но я не могу тебя простить.

– Почему ты не знаешь, что выбрать? Тебе и хочется, и колется? Как всегда! Как у всех женщин.

– Вот эти «все женщины» меня больше всего и бесят. – Баби смеясь бросается на него: – Ну ты и козел!

Малыш перехватывает ее руку:

– Стоп. Шутка это. Мир?

Их лица так близко. Баби смотрит в его глаза: такие красивые, и улыбка тоже красивая.

– Мир, – она тоже сдается.

Малыш притягивает ее к себе и нежно целует в губы. Поцелуй грозит стать затяжным, но тут Баби отрывается от него и оборачивается взглянув на улицу.

– Какая прекрасная ночь, взгляни на луну!

Малыш, вздохнув, возводит глаза к небу. Баби глядит вдаль. Дома, крыши, луга на окраинах, вереницы высоких сосен, длинная улица, свет фар, отдаленный шум. Если б она лучше видела, то разглядела бы, как парни едут наперегонки, хохочут, сигналят. Может быть, она бы узнала того типа на мотоцикле. Это он подъехал к ней утром, по дороге в школу.

5

В том же городе.

Официант в безупречном белом смокинге лысоватый, полноватый и слегка взапревший, обходит гостей с серебряным подносом. Нет – нет да высунется рука угоститься легким коктейлем с плавающими фруктами. Иная рука, еще быстрее, возвращает пустой бокал. На ободке отпечаток губ. Сразу видно, что пила женщина, можно даже понять, какие у нее губы. Официант думает: должно быть, забавно узнавать женщин по одним только бокалам. Вроде эротических отпечатков пальцев. Возбужденный от этой мысли, он входит в кухню, но там его фантазии в стиле Шерлока Холмса тут же улетучиваются. Кухарка обругала его за то, что он все не придет забрать подносы с поджаренными овощами.

– Дорогая, ты чудесно выглядишь.

В гостиной дама с пережжеными краской волосами обернулась к подруге, улыбается, поддерживая игру:

– И как это у тебя получается?

– У меня завелся обожатель.

– Да ты что? И кто он?

– Пластический хирург.

Обе смеются.

Клаудио вытаскивает пачку Marlboro и закуривает. С наслаждением вдыхает, смакуя, дым.

– У тебя такой красивый галстук!

– Спасибо.

– Тебе очень идет, на самом деле.

Клаудио гордо демонстрирует бордовый галстук, затем инстинктивно прячет сигарету и ищет глазами Раффаэллу. Оглядевшись, он замечает много новоприбывших, приветствует их улыбкой и, не найдя жену, успокоенно затягивает снова.

– Неплохо, правда? Раффаэлла подарила.

На низком столике слоновой кости в серебренных мисочках оливки и фисташки. Холеная рука с ухоженными ногтями роняет две ровные скорлупки.

– Я так беспокоюсь за свою дочь!

– Отчего?

Раффаэлле удалось состроить заинтересованную мину, и Марина продолжает свои излияния.

– Она встречается с отвратительным типом – бездельником, все время торчит на улице.

– И давно они встречаются?

– Вчера отметили полгода. Мне сказал сын. И знаешь, что они сделали, нет, только представь себе!

Раффаэлла оставляет в покое слишком твердый орешек. Теперь ей стало интересно.

– Нет, не знаю.

– Он повел ее в пиццерию. Нет, ты представляешь?! В пиццерию на Витторио!

– Ну что же, сами не заработают, а родители…

– Это-то да, но кто знает, кто его родители… И подарил ей двенадцать розочек – мелкие, страшненькие, не успеешь до дому донести – осыпятся. На светофоре, наверное, купил. Сегодня утром на кухне спрашиваю: откуда это кошмар? Она мне: «Мама, только попробуй их выбросить!» Представляешь? Когда она пришла из школы, и духу их не было! Я свалила все на Зию, нашу прислугу – филиппинку, а Глория раскричалась и убежала, хлопнув дверью.

– Может, не стоит так уж ей мешать, как бы не было хуже, она может совсем заипрямится.

Оставь их в покое, все равно по-своему сделают. Если уж тебе не все равно… Ну, так она вернулась?

– Нет, позвонила и сказала, что будет ночевать у Пиристи – такая пухленькая блондинка, дочь Джованны. Муж – администратор «Серфим», а она вся в подтяжках. Разумеется, она может себе позволить…

– Что, правда? А так и не скажешь…

– Там какая-то новая технология, швы за ушами. Совсем ничего не заметно. Может Глории пойти куда-нибудь с Баби? Я была бы так рада…

– О чем ты говоришь, конечно! Я скажу Баби, чтобы она позвонила.

Наконец Раффаэлла одолела фисташку. Этот орешек было легче почистить чем другие. Она сплюнула кожуру – непростительная вольность.

– Филиппо, Раффаэлла сказала, что попросит Баби взять как-нибудь Глорию с собой.

– Спасибо, очень мило.

Филиппо, молодому еще мужчине со спокойным лицом, фисташки куда интереснее, чем романы дочери.

– Привет, Клаудио.

– Прекрасно выглядишь.

С улыбающихся уст скрывается «спасибо», и задев его, волосы, выкрашенные хной по крайне мере за сто пятьдесят евро, удаляются. Интересно, она это нарочно? Он представляет, как длинное платье соскальзывает вниз, воображает, какое нижнее белье она носит. Теперь Клаудио засомневался: а есть-ли вообще хоть какое-то?

И тут он замечает: идет Раффаэлла. Напоследок затягивает и тушит сигарету в пепельнице.

– Скоро начнется игра. Пожалуйста, не делай как обычно. Если не идет карта и не можешь набрать джин «стучи».

– А если придется «подрезать»?

– Стучи, если у тебя меньше очков.

Клаудио сдержанно улыбается жене:

– Да, дорогая, как скажешь, – сигарета прошла незамеченной.

– Кстати, я же говорила тебе не курить!

– Не прошла.

6

Роберта в восторге: ей уже восемнадцать, и на вечеринке все идет как надо. Звонит домофон.

– Я подойду, – Роберта бежит к домофону, опередив парня с тарелочкой пирожных.

– Привет, Франческа у вас?

– Какая Франческа?

– Джакомини, такая светленькая.

– Да, а что ей передать?

– Ничего, открой мне. Я её брат, пришел ключи оставить.

Роберта нажимает на кнопку домофона, затем, чтобы убедиться, что дверь вправду открыта, жмет снова. Идет на кухню, берет из холодильника две большие бутылки кока-колы и несет их в гостиную. Ей навстречу попадается блондинка, она беседует с парнем с зализанными волосами.

– Франческа, там твой брат пришел…

– А… – только и вымолвила Франческа, – спасибо. – И осталась стоять с открытым ртом. Зализанный слегка вышел из равновесия и впал в ступор.

– Что-то не так, Франче?

– Нет, нет, все в порядке. Только вот у меня нет никакого брата.

– Вот, это здесь, – Сицилиец и Хук читают табличку над звонком на четвертом этаже. – Ну не идиоты?

Скелло жмет на кнопку звонка.

Дверь тут же распахивается.

Роберта стоит в дверях, изучает накачанных, встрепанных ребят. Одеты они немного… небрежно, если можно так выразиться.

– Что вы хотели?

Скелло выдвигается вперед:

– Я пришел к Фтемранческе. Я её брат.

И как по заказу, Франческа появляется у дверей в сопровождении зализанного.

– О, вот и твой брат.

Роберта уходит. Франческа испуганно смотрит на компанию.

– И кто же из вас мой брат?

– Я! – вскидывает руку Луконе.

Полло не отстает:

– И я, мы близнецы, как в том фильме со Шварценеггером. В роли придурка – он, – все ржут.

– И мы тоже братья! – одна за одной поднимаются руки, – мы очень любим друг друга!

Зализанный мало что понимает и делает выражение лица, наилучшим образом подходящее к его прическе.

Франческа отводит Скелло в сторону:

– Ну какого черта ты приперся со своей компанией?

Полло ухмыляется, одергивая куртку. Без особого успеха.

– По-моему, эта вечеринка смахивает на похороны. Давай-ка оживим её. Ну что ты такая злая?

– Это кто тут злой? А ну, уходите быстро.

– Так, Ске, мне уже скучно, дай пройти, – Сицилией протискивается мимо Франчески.

До зализанного вдруг доходит, кто это такие. С лучиком понимания на лице он устремляется в гостиную к приглашенным. Франческа пытается остановить компанию:

– Скелло, не надо, уходите…

– Извините, разрешите пройти…Извините…

Никем не остановленные входят все: Хук, Луконе, Полло, Банни, Степ и остальные.

– Ну, Франче, подумаешь, пришли, что случилось-то?

Скелло берет её под руку.

– В конце концов, ты тут вообще с краю. Это же твой брат притащил с собой дружков, – и будто боясь, что кто-нибудь сбежит, прикрывает дверь.

Сицилиец вместе с Хуком направляются к накрытому столу, пожирают бутерброды с маслом и колбасой, глотают их не жуя. Почти на перегонки. Затем принимаются за тартинки вперемешку с пирожными с кремом и шоколадками. Сицилиец давится. Хук бьет его по спине так сильно, что Сицилиец кашляет, и объедки летят на блюда. Скелло ржет как сумасшедший, а Франческа уже напугана по-настоящему.

Банни прогуливается по гостиной. Он, как антиквар, берет разные мелкие вещи и безделушки, проверяет на серебре пробы и складывает все в карман. Вскоре курильщикам пришлось стряхивать пепел в горшки с цветами.

Поло весьма профессионально отправился на поиски спальни матери. И нашел. Она привычно закрыта на ключ. На два оборота, только вот ключ торчит в двери. Наивные. Полло открывает дверь. Сумки девочек лежат рядком на кровати. Полло начинает, не торопясь, потрошить одну за другой.

Кошельки почти все с деньгами, неплохой праздничек: богатенькие семейки, ничего не скажешь. В коридоре Хук пристает к подруге Паллины с тяжеловесными ухаживаниями. Не такой зализанный, как другие, парень пытается продемонстрировать какие-то остатки воспитания. Он вступает в переговоры. Но его срубают на полуслове пятерней по лицу, а это потяжелее, чем те разговорчики, которые достались его подружке. Хук не выносит проповедей. Его папаша, адвокат, очень любит поговорить, а сыночек точно так же ненавидит законы.

Паллина, вероятно, от волнения, замечает, что у неё что-то не так, и находит предлог:

– У меня тушь размазалась, пойду поправлю макияж.

Честно говоря, это больше подходило тому молча удаляющемуся типу, которого тянет за руку подруга, а на лице отпечатались пять Хуковских пальцев.

Полло вытряхивает посленюю суму.

– Блин, ну жмотство! Сумочка не копейки стоит, идешь на такую вечеринку, а с собой всего десять евро. Нищая, что ли?

Он уже собирается уйти, когда замечает, что на подлокотнике кресла, полускрытая жакетом в колониальном стиле, висит еще одна сумка. Он берет её. Красивая сумочка, элегантная и тяжелая, с хорошо выделанной ручкой и двумя кожаными шнурками вместо застежки. Там, должно быть, что-то ценное, если хозяйка озаботилась тем, чтобы её спрятать. Полло развязывает узел, проклиная свою привычку обгрызать ногти под корень. Наконец узел поддается. И тут открывается дверь. Полло прячет сумку за спину. Входит улыбающаяся черноволосая девушка. Останавливается, увидев его.

– Закрой дверь.

Паллина повинуется. Полло достает сумку и начинает в ней рыться. Паллина принимает вид «как-мне-все-надоело». Полло замечает, что она смотрит на него.

– Ну, и что тебе тут понадобилось?

– Моя сумка.

– И чего стоим? Бери.

Полло указывает на кровать, где валяются опустошенные сумки.

– Не могу!

– Это почему?

– Потому что её забрал один придурок.

– А-а, – ухмыляется Полло. Внимательно оглядывает девушку. Миленькая брюнетка с челкой, губки сложены в раздраженную гримаску. Да, у неё юбка в колониальном стиле. Полло находит кошелек, берет его себе.

– На, держи, – бросает он её сумку. – Сразу бы попросила…

Паллина ловит сумку на лету. И тоже начинает в ней копаться.

– Тебе что, мама не говорила, что нехорошо рыться по чужим сумкам?

– Я с матерью не разговариваю. А вот тебе лучше бы со своей побеседовать.

– Это еще зачем?

– Не может того быть, чтобы тебе на вечеринку дали всего полтинник.

– Это мне на неделю.

Полло сует деньги в карман.

– Было на неделю.

– Придется голодать.

– Тебе это пойдет на пользу.

– Придурок!

Паллина находит то, что искала, и кладет сумку на место.

– Как закончишь, верни мне, пожалуйста, кошелек. Благодарю.

– Слушай, а раз уж ты на этой неделе ходишь голодная, может съешь со мной завтра пиццу?

– Нет уж, спасибо. Если я плачу, то я и выбираю, с кем пойти, – разворачивается к двери.

– Эй, постой-ка! – Полло кидается за ней. – Что ты там взяла?

Паллина прячет руку за спину:

– Ничего интересного.

Полло перехватывает её руку.

– Ну, это я сам решу – показывай!

– Пусти меня! Деньги ты взял, чего тебе еще надо?

– А что у тебя в руке?

Полло пытается схватить её, Паллина вырывается, отставив руку подальше.

– Пусти меня, а то закричу!

– Тогда я тебя отшлепаю.

Полло наконец хватает её запястье и тянет к себе. Перед ним её сжатый кулачок.

– Только попробуй посмотреть – и я с тобой никогда не буду разговаривать!

– Детка, мы с тобой до сегодняшнего дня и так не разговаривали, я уж как-нибудь перебьюсь…

Поллло хватает нежную девичью руку и пытается разжать пальцы. Паллина сопротивляется. Тщетно. На глазах выступили слезы, она отклоняется назад, чтобы придать силы пальцам.

– Пожалуйста, отпусти… – Полло не слушает её. Наконец пальцы один за другим обессиленно разжимаются, открывая тайну.

В руке Паллины скрывается объяснение пятен на её лице и припухшей груди. Причина взвинченности и раздраженности, выпадающей на долю каждой девушки раз в месяц. А если эта причина пропадает, девушка обычно нервничает еще больше или становится мамой. Паллина убито молчит. Она унижена. Полло на кровати разражается громким хохотом:

– Нет, не буду я тебя приглашать на ужин! Чем мы будем заниматься – анекдоты, что ли, рассказывать?

– Не, спасибо, я не знаю таких пошлых, чтоб тебе было смешно, а другие ты не поймешь.

– Ого, деточка язвит… – Полло поражен.

– В общем, я думаю, что достаточно тебя повеселила.

– Это почему?

Паллина разминает пальцы. Полло обращает на это внимание.

– Ты мне сделал больно, ты же этого хотел?

– Да не волнуйся, только немножко покраснели, не хнычь, скоро пройдет.

– Я не о пальцах.

И она скрывается за дверью, успев спрятать слезы.

Полло в растерянности остается. Ему приходит в голову только положить кошелек на место и перелистать её записную книжку. Конечно, он не додумался вернуть деньги.

Диджей, музыкальный парень с длинноватыми волосами, призванными подчеркнуть его артистичную натуру, суетится. Его руки порхают взад– вперед над дисками на двух вертушках, а в губчатых наушниках звучит начало композиции, что спасает от неловкости при неверном выступлении.

Степ шатается по дому, осматривается, рассеянно прислушивается к глупой болтовне восемнадцатилетних девчонок: дорогие шмотки на витринах, не купленные родителями мопеды, невозможные помолвки, гарантированные измены, обманутые надежды.

Дальнее окно гостиной выходит на террасу, в комнату задувает легкий ветерок. Занавеси слегка вздуваются, затем медленно опадают, и за ними обрисовываются две фигуры. Руки их пытаются откинуть гардину, чтобы войти. Юному красавцу вскоре удается найти просвет. Немного погодя рядом с ним появляется девушка. Её развеселила эта мелкая неприятность. На секунду луна просвечивает её платьице насквозь.

Степ все смотрит и смотрит на них. Девушка встряхивает волосами, улыбается красавцу. Видны белоснежные зубки. Даже издалека чувствуется сила её взгляда. Голубые глаза, чистые, глубокие. Степ припоминает её, припоминает их встречу – ведь они уже виделись. Хотя точнее будет сказать – сталкивались. Красавец с девушкой обмениваются парой слов. Девушка кивает и идет следом за ним к столу с напитками. У Степа вдруг тоже пересыхает в горле.

Малыш Бранелли проводит Баби меж гостей. Нежно касаясь её спины ладонью, он вдыхает её легкий аромат. Баби приветствует тех, кто пришел, пока она была на террасе. Они подходят к столу с напитками. И вдруг кто-то встает перед Баби. Это Степ.

– Я вижу, ты меня послушалась, избавляешься от поводов для беспокойства, – кивает головой на Бранделли. – Это, конечно, пробный шар. Но ничего, пойдет. С другой стороны, если ты не нашла ничего получше…

Баби нерешительно глядит на него. Она его знает, но он ей не понравился? Или понравился? Что вообще с ним такое произошло?

Степ напоминает:

– Несколько дней назад я провожал тебя в школу.

– Этого не может быть, я езжу в школу с папой.

– Вообще-то да, ну, скажем, я тебя конвоировал. Ехал рядом с вашей машиной.

Баби вспоминает глядит на него устало.

– Ну вот, вспомнила же.

– Да, ты мне тогда наговорил какой-то шизы. И с тех пор не изменился.

– А зачем мне это? Я и так замечательный, – Степ разводит руки, демонстрируя телосложение.

Баби думает: если принимать во внимание только это, он не так уж и не прав. Впрочем, все остальное плохо. От манеры одеваться до манеры вести себя.

– Видишь, ты с этим согласна.

– Я вообще ничего не сказала, ни да, ни нет.

– Баби, он тебе еще не надоел? – Бранделли вмешивается на свою голову. Степ не удостаивает его даже взглядом.

– Нет, Малыш, спасибо.

– Ага, если я тебе не противен, значит, я тебе все-таки нравлюсь…

– Мне на тебя вообще наплевать, ты меня даже слегка достал, если быть точной.

Бранделли пытается закруглить разговор, обратившись к Баби:

– Хочешь что-нибудь выпить?

За неё отвечает Степ:

– ДА, спасибо, налей мне кока-колы, угу?

До Малыша не доходит:

– Баби, ты хочешь что-нибудь?

Степ в первый раз сморит на него:

– Я же сказал, кока-колу, и побыстрее.

Малыш с бокалом в руке глядит на него, не двигаясь с места.

– Пошевеливайся, ты, глиста! Оглох, что ли?

– Перестань, – Баби вмешивается и забирает бокал у Малыша, – я сама.

– Ну вот, когда ты вежливая, ты такая милая.

Баби берет бутылку.

– На вот, смотри не пролей, – и выплескивает бокал с кока-колой Степу в лицо. – Сказала же, поаккуратнее, ты что, маленький, что ли? Даже пить не умеешь.

Малыш рассмеялся. Степ толкает его так сильно, что тот летит на низкий столик, опрокидывая все, что там стояло. Затем он берет за края скатерть с

напитками, сильно тянет, будто хочет показать фокус, но не получается. С десяток бутылок летят на кресла и диваны и на гостей. Несколько бокалов разбито. Степ вытирает лицо.

Баби глядит на него презрительно:

– Скотина ты!

– Совершенно верно. Надо бы принять душ, а то я весь липкий. Раз ты в этом виновата, пойдешь в душ со мной.

Степ быстро наклоняется, подхватывает её под колени и взваливает на плечи. Баби отчаянно вырывается:

– Пусти меня, отпусти! Помогите!

Никто не вмешивался. Бранделли поднимается и пытается остановить Степа. Степ пинает его в живот, Малыш врезается в группу гостей. Скело ржет как ненормальный, скачет вместе с Луконе, раздавая оплеухи всем проходящим. Кто-то дает сдачи. Рядом с диджеем начинается драка. Перепуганная Роберта стоит в дверях, в ужасе разглядывая разгромленную гостиную.

– Скажи, пожалуйста, где ванная?

Роберта, ничуть не удивившись, что какой-то тип тащит на плечах девушку, показывает:

– Вон там.

Степ благодарит и следует в указанном направлении. Появляются Хук и Сицилиец, нагруженные яйцами и помидорами. Начинают кидаться в стены, картины и гостей, все равно куда, лишь бы с силой, побольнее.

К Роберте подходит Бранделли.

– Где телефон?

– Вон там.

Роберта указывает в противоположную от ванной сторону. Ей кажется, будто она регулировщик, пытающийся совладать с движением, или точнее– с жутким хаосом, воцарившимся прямо у неё в гостиной. Жаль только, она не может содрать штраф или посадить их всех. Кто-то, поумнее или трусливее остальных, целует её на прощание.

– Пока, Роберта, поздравляю еще раз. Извини, но мы пойдем, ладно?

– Вам туда, – как во сне, она указывает на дверь. Она бы и сама сбежала, но увы, она у себя дома.

– Пусти меня, я кому сказала – отпусти! Ты у меня попляшешь…

– А кто мне чего сделает? Эта красивенькая шпала, похожая на официанта?

Степ входит в ванную, открывает раздвижные створки душевой кабины. Баби хватается руками за створки, пытаясь его остановить.

– Не надо! Помогите! Кто-нибудь!

Степ оборачивается и легко отдирает её руки.

Баби меняет тактику. Теперь она разыгрывает паиньку.

– Ну хорошо, хорошо, извини меня. А теперь поставь меня на пол, пожалуйста.

– Что значит – пожалуйста? Вылила на меня кока-колу, а теперь– пожалуйста?

– Ну ладно, ладно, зря я её на тебя вылила.

– Да, я понимаю, что зря, – Степ нагибается, становясь под разбрызгиватель. – Но ущерб уже нанесен. Придется принять душ, а то ты потом скажешь, что я липучий.

– Ну какая разница… – струя воды обрушивается ей на лицо заставив умолкнуть. – Идиот! – Баби дергается, пытаясь увернуться от струи, но Степ держит её крепко, поворачивает, чтоб она вымокла вся. – Прекрати, дебил, выпусти меня!

– Что горячо? – не дожидаясь ответа, Степ поворачивает регулятор, что находится у него прямо перед носом. Выкручивает его до конца на синее. Вода тут же становится ледяной. Баби кричит.

– Вот, теперь станет полегче, холодный душ успокаивает. Ты же знаеш, контрастный душ очень полезен, – он поворачивает регулятор на красное. От струи идет пар. Баби кричит еще громче.

– Мне больно! выключи!

– Вот видишь, это очень полезно, поры расширяются, восстанавливается циркуляция, кровь приливает к мозгу, и ты начинаешь соображать лучше и понимаешь, что с людьми надо вести себя вежливо… А кока-колу надо пить, а не поливать ею других.

Тут входит Скелло:

– Степ, давай быстро, уходим. Кто-то вызвал полицию.

– Откуда ты знаешь?

– Сам слышал, Луконе засветил мне яйцом в лоб, я пошел помыться и застукал кого-то на телефоне. Собственными ушами слышал.

Стэп выключает душ, ставит Баби на пол. Скелло тем временем открывает шкафчики у зеркала. Там лежат колечки и цепочки, явная бижутерия, но он все равно рассовывает их по карманам. Мокрые волосы Баби упали на лицо, она стоит, прислонившись к стене душевой кабины, пытается прийти в себя. Стэп снимает джемпер. Берет полотенце и вытирается. Великолепный пресс мелькает в складках махровой ткани. Гладкая, упругая кожа туго обтягивает выпуклости мускулов.

Стэп глядит на нее, усмехаясь.

– На, вытрись, а то еще простуду схватишь. Баби отводит от лица мокрые пряди. Теперь видны ее глаза. Они горят яростью и решимостью. Стэп притворяется испуганным.

– Все, все, молчу, молчу… – вытирает волосы. Баби опускается на пол. Промокшее платье просвечивает. Под материей с сиреневыми цветами виднеется кружево светлого бюстгальтера, должно быть, в тон трусикам. Стэп замечает это.

– Так дать тебе полотенце?

– Иди в жопу.

– Какие мы слова знаем! Вроде с виду хорошая девочка, а так ругаешься. Напомни мне, когда мы следующий раз окажемся под душем вместе, сказать тебе, чтобы вымыла рот с мылом. Понятно? Напомнишь?

Он выжимает джемпер, повязывает его на талию и выходит из ванной. Баби глядит ему вслед. Последние капельки бегут по влажной спине между выпирающими мускулами. Баби поднимает с пола шампунь и швыряет ему вслед. Стэп, услышав шум, инстинктивно пригибается.

– О, я понял, почему ты такая злая, я тебе не дал шампунь. Хорошо, сейчас вернусь.

– Вали отсюда! И чтоб я тебя…

Баби быстро захлопывает прозрачные створки душа. Стэп видит, как е маленькие ручки прижались к стеклу.

– Держи! – бросает ей шампунь через верх, там, где стекла нет. – Значит, тебе приятнее купаться одной… И все остальное делать тоже! – Развязно заржав, он выходит из ванной.

При слове «полиция» в гостиной начинается паника. Драка тут же прекращается. У Луконе, Сицилийца и Хука самое бурное прошлое, и они первыми оказываются у дверей. Некоторые гости, окровавленные, валяются на полу.

Роберта плачет в углу. Несколько ребят обнаружили, что эти качки ушли в их дорогих куртках от HenryLloyduFay. Банни, гремя краденым серебром, идет медленнее обычного. Они сбегают по лестнице, перила дрожат на поворотах. Переворачивают дорогие вазы на элегантных лестничных площадках. Точными ударами один за другим с криком разбивают почтовые ящики, напоследок уносят несколько седел с мопедов и растворяются в ночи.

7

– Застукиваю, – Раффаэлла решительно кладет карты на зеленое сукно, удовлетворенно глядя на противника. Это вялая дама в очках.

– Вскрывайся, дорогая…

Карты едва не выпали у нее из рук. Раффаэлла тут же завладевает ими.

– Эта вот сюда, эта – вот так, и вот последняя. Платишь за все.

Быстро подсчитывает в уме, затем записывает промежуточный результат на листочке. Встает за спиной у Клаудио, впившись глазами в его игру, и после нескольких удачных сносов убеждает его «стукнуть». У их партнеров в это время набирается джин. Раффаэлла, довольная, подводит итог. Если бы Клаудио не пришлось подрезать, они бы выиграли и на второй игре. Она берет карты и начинает их тасовать. Дама в толстых очках снимает верхнюю. Даже в этом она не уступит. Ужасно неповоротлива. Раффаэлла не выносит проигрыша, тем более по очкам, сейчас она сильно вырвалась вперед, поскольку сдает. За другими столами вертихвосткам явно изменила удача, они вступают в полосу проигрыша. Кто-то возвращает на место вытряхнутую хозяйкой дома пепельницу справа от нее. Адвокат наливает себе виски точно по рисунку на стекле. Ровно столько, сколько нужно, чтобы выиграть и остаться более или

менее трезвым. Некоторые пары, с виду более любящие, обмениваются нежным приветствием, прежде чем взять в руки карты. На самом же деле, это скорее магический ритуал, чем бескорыстное выражение приязни. Несколько пар собирается уходить, оправдываясь тем, что завтра надо рано вставать или тем, что дети еще не вернулись. На самом же деле это значит, что либо мужчина перепил, либо даме наскучила вечеринка. Среди них Марина и Филиппо. Они прощаются со всеми, фальшиво благодарят хозяйку дома за прекрасный вечер. Потом Марина чмокает Раффаэллу, улыбаясь искреннее обычного, – она помнит об их уговоре на счет их дочерей.

Из парадного подъезда дома 1130 по виа Классиа выходят гости. Они обсуждают происшествие. Один из ребят говорит больше других. Ему и правда есть что сказать, судя по разбитой губе. Назадавав кучу разнообразных глупых и бесполезных вопросов, полиция покинула дом Роберты. Одна Франческа хоть что-то знала, но, увидев, что праздник превращается в дебош, сбежала, унеся с собой выпотрошенную сумку и имена виновных.

Под шумок Даниела и Паломби удрали вместе в другими гостями. Баби вся вымокла и упустила сестру. Роберта дала ей бриджи (вполне подошли) и братову олимпийку, ненадеванную и двух раз.

– Одевайся так почаще, тебе очень идет.

– Малыш, и ты еще шутишь? – они выходят из подъезда. – Я потеряла сестру и испортила платье от Valentino.

Она показывает пластиковый пакет, не с тем именем, что на платье, но тоже известным.

– И плюс ко всему, будет что-то страшное, если мама заметит мокрые волосы.

Манжеты олимпийки прикрывают ей руки. Баби подворачивает их и поддергивает до локтя. Но через секунду манжеты опять съезжают.

– Это он, – Скелло, притаившись за мусорными контейнерами, показывает на Малыша Бранделли. Стэп смотрит туда:

– Точно?

– Точнее не бывает. Я сам слышал.

Хотя она полностью переоделась, Стэп узнал девушку, идущую с этой сволочью. Не так-то просто забыть ту, что так упиралась, не желая принять с ним душ.

– Пойдем, предупредим остальных.

Баби и Малыш сворачивают на небольшую улочку.

– И что де ты не вмешался, когда этот дебил тащил меня под душ?

– Насколько я помню, я пошел тогда вызывать полицию.

– А, так это был ты?

– Ну да, начался беспорядок, все дрались… Ты видела, что у Андреа Маринелли с губой?

– Бедненький.

– Бедненький? До свадьбы заживет. А знаешь, что он будет рассказывать? Что дрался один против всех, как герой. Уж это точно. Ну вот, пришли.

Они останавливаются перед машиной. Вспыхивают поворотники, поднимаются предохранители. Сигнализация самая обычная, но автомобиль совсем новенький: последняя модель BMW. Малыш открывает перед Баби дверцу. Она оглядывает великолепно отделанный салон: темное дерево, кожаные сидения.

– Ну как, нравиться?

– Очень.

– Специально для тебя на ней приехал. Я знал, что тебя надо будет проводить домой.

– Правда?

– Конечно! Я все рассчитал. Специально позвал этих уродов и устроил такой бардак, чтобы остаться с тобой наедине.

– Ну, душем можно было и пожертвовать, по крайней мере, я бы сохранила платье.

Малыш смеется и закрывает дверцу со стороны Баби. Затем обходит машину, садиться и отъезжает.

– В общем, все прошло довольно весело. Если бы не эти хулиганы, была бы смертная тоска.

– Наверное, Роберта так не думает, – Баби благовоспитанно кладет пакет на колени, – ей же весь дом разнесли!

– Да ладно, не так уж и сильно. Почистить мебель и отдать в химчистку шторы.

Глухой зловещий звук удара о металл разрывает гармонию и спокойствие внутри машины.

– Что случилось? – Бранделли смотрит в боковое зеркало. В нем появляется рожа Луконе, который чуть не лопается от смеха. За ним Хук, приподнявшись на сиденье мотоцикла, еще раз пинает автомобиль.

– Опять эти ненормальные! Прибавим скорость, – Малыш переключает скорости и начинает гнать. Легкие мотоциклы тут же нагоняют его. Баби испуганно оглядывается. Все тут. Банни, Полло, Сицилиец, Хук, все на мотоциклах, посередине – Стэп. Кожаная куртка вздулась, открыв обнаженную грудь. Стэп улыбается ей. Баби отворачивается.

– Малыш, давай еще быстрее, мне страшно! Малыш не отвечает, жмет на акселератор, едет вниз, к спуску с Кассиа, в холод ночи. Но мотоциклы не отстают, держаться рядом. Банни увеличивает скорость, Полло пинком разбивает задний подфарник. Сицилиец сминает ногой левую дверцу. Мотоциклы кренятся на полной скорости, то приближаясь к машине, то удаляясь

от нее, седоки бьют со всей силы. Малыш слышит безжалостные глухие удары.

– Блин, они же разобьют машину!

– Только не останавливайся, а то и тебе достанется!

– Нет, конечно, но я попробую им сказать… – он нажимает кнопку электроподъемника, опустив стекло до половины. – Эй, парни, слышите? – кричит он, пытаясь сохранить спокойствие и следить за дорогой. – Это машина отца, если вы… – в лицо ему летит плевок.

– Есть, попал, сто баллов! – Полло привстает в седле и потрясает руками в знак победы.

Малыш убито вытирает лицо. Баби брезгливо глядит на слюну, размазавшуюся по лицу, затем, нажав на кнопку, закрывает окно, пока Полло не нашел новую мишень.

– Едем в центр, может, встретим полицию.

Малыш едет дальше. Доносятся звуки ударов по кузову и подфарникам. Каждый обойдется в сотни евро и в тысячи воплей отца. Охваченный неожиданной яростью, Малыш истерически смеется:

– Хотите войны? Получите! Убью всех, передавлю как тараканов!

Он резко поворачивает руль, машину кидает вправо, потом от удара – влево. Баби в ужасе хватается за ручку на дверце. Стэп и компания, увидев, что машина движется на них, моментально замедляют скорость и тормозят.

Малыш смотрит в зеркало заднего вида. Шайка все еще атакует его сзади.

– Что, страшно? Нате, получите!

Он вдавливает педаль тормоза в пол. Машина почти остановилась. Те мотоциклы, что были по бокам, разлетаются в разные стороны. Скелло, ехавший посередине, пытается затормозить, но его Vespac лысыми колесами идет юзом и

врезается в бампер. Скелло падает. Малыш срывается с места так, что дымятся покрышки. Оказавшиеся перед машиной мотоциклы уклоняются, чтобы их не сбили. Другие останавливаются помочь товарищу.

– Вот же сукин сын! – Скелло поднимается, штаны над правым коленом разодраны. – Во, смотрите.

– Да ладно, ты еще дешево отделался – так полетел! Всего только колено разбил.

– Да и хрен бы с ним с коленом, я из-за этой суки новенькие Levi’s порвал, только позавчера купил!

Все ржут, Скелло поднял им настроение: не разбился и к тому же в состоянии шутить.

– Йе-ху-у-у, ну, я их, блять, отмудохаю!

Малыш радостно бьет руками по рулю. Затем снова бросает взгляд на зеркало заднего вида. В нем только одна машина где-то далеко. Он успокаивается. Ни осталось никого. «мы ушли, ушли от этих засранцев!» подпрыгивает он на сиденье.

Да, ведь рядом ним Баби.

– Как ты? – спрашивает он, взволнованно глядя на нее.

– Спасибо, ничего, – Баби отрывается от дверцы, усаживается прямо. – А теперь я хочу домой.

– Сейчас отвезу.

Остановились на секунду у светофора и едут дальше по Понте Мильвио. Малыш снова смотрит на Баби: мокрые волосы с падают на плечи, все еще испуганный взгляд голубых глаз устремлен вперед.

– Прости, что так вышло. Ты очень напугалась?

– Вообще-то да.

– Может, хочешь попить?

– Нет, спасибо.

– Я сейчас остановлюсь на минутку.

– Конечно.

Малыш проезжает чуть-чуть назад и останавливается у фонтанчика перед церковью. Он плещет себе водой в лицо, смывая последние остатки слюны Полло. Затем подставляет мокрое лицо свежему ночному ветру, успокаиваясь и расслабляясь. Открыв глаза, он осознает реальность. Машина, его машина, точнее сказать, машина отца.

«Вот же блин», – шепчет он про себя и обходит машину, делая равнодушное лицо. Подсчитывает ущерб, вынимает не вылетевшие осколки разбитых фар. Дверцы все во вмятинах, борта поцарапаны. Кое-где сошла краска. Подводит в уме предварительные итоги. Под тысячу евро. Если б он участвовал в передаче, где надо угадать цену, вслух бы он этого ни за что не сказал. Он натянуто улыбается Баби:

– Кое-что надо ремонтировать, повредили машину…

Закончить фразу ему не удается. Темно-синий мотоцикл, преследовавший их с погашенными фарами, грохоча, тормозит рядом. Малыш не успел обернуться, как полетел прямо на капот BMW. Стэп наваливается на него, яростно бьет по лицу, особенно по зубам.

– Помогите! Помогите!

– В следующий раз будешь держать рот закрытым, сучонок! Говнюк! – удары сыплются один за другим, голова бьется о машину. Теперь, кроме автосервиса, отцу придется платить и дантисту.

Баби выпрыгивает из машины и в ярости набрасывается на Стэпа, пинает его, бьет по голове пакетом с одеждой:

– Отпусти его, подлец, отпусти!

Стэп, повернувшись, яростно ее отпихивает. Баби пятиться назад, споткнувшись о поребрик, теряет равновесие и падает. Стэп на секунду задерживает на ней взгляд. Малыш, улучив момент, едва не впрыгнул в машину. Но Стэп быстрее.

Одним прыжком он прижимает Малыша к двери. Тот вопит от боли. Стэп хлещет его по лицу. Баби с трудом поднимается. Теперь и она кричит, зовет на помощь. И тут появляется машина. Это Аккадо.

– Смотри, Филиппо! Что это? Боже, это же дочка Рафаэллы, Баби!

Филиппо останавливается, выходит из машины, не закрыв дверцу. Баби бросается ему на встречу с воплем:

– Разнимите их, скорее, они же друг друга поубивают!

Филиппо бросается на Стэпа, хватает его сзади: «Стой, отпусти его!» – не разжимаю рук, оттаскивает его от дверцы. Малыш, освободившись от тисков, растирает ноющую грудь, затем, крайне напуганный, прыгает в машину и уезжает.

Стэп, пытаясь освободиться от объятий сеньора Аккадо, наклоняется и резко бьет назад головой. Прямо в лицо. Очки синьора Аккадо падают и разбиваются, из носа течет кровь: разбита перегородка. Филиппо шатается, прижав руки к лицу, сквозь пальцы просачивается кровь, он почти ничего не видит. Став без очков беспомощным, он едва не плачет, ослепленный болью. Марина бросается на помощь мужу.

– Скотина, негодяй! Не подходи, не смей его трогать!

А что его трогать? Кто ж знал, что сзади набросился старикан? Стэп молча глядит на вопящую женщину:

– Ты понял, мерзавец? Я этого так не оставлю! – Марина затаскивает мужа в машину, трогается и неумело отъезжает. Синьора Аккадо водит машину очень редко, только в крайних случаях. Этот – крайний. Не каждый день твой муж влезает в драку.

Баби встает перед Стэпом:

– Ты просто зверь, ты животное! Ты мне противен! Ты никого и ничего не уважаешь!

Он глядит на нее с улыбкой. Баби трясет головой:

– Не строй из себя дурачка!

– Так что ты от меня хочешь?

– Ничего – а что можно хотеть от такого скота? Ты напал на человека старше тебя!

– Во – первых, это он сначала на меня бросился, во – вторых, откуда я знал, что он старый? А, в – третьих, сам виноват – нечего лезть в чужие дела.

– Ах так? Значит, можно дать по морде тому, кто лезет не в свое дело, значит, можно его избить! Заткнись ты! Он же в очках был… – Это же преступление – броситься на человека в очках!

– Что, и до сих пор? Сколько лет я уж это слышу. Кто тебе сказал эту фигню про очки? – Стэп подходит к мотоциклу, садиться в седло. – Наверное, какой-нибудь мерзкий очкарик очень боится, что его изобьют, и поэтому ходит в очках и выдумывает всякую хренотень.

Стэп заводит мотоцикл:

– Ну, до встречи.

Баби оглядывается. Вокруг никого. Площадь как будто вымерла.

– Как – до встречи?

– Ну, как скажешь, тогда до встречи.

Баби раздраженно фыркает:

– А как же мне вернуться домой?

– А я почем знаю? Можешь попросить своего приятеля.

– И как я это сделаю? Ты его избил, и он убежал.

– Ну да, опять я виноват.

– А что, нет, что ли? Дай мне сесть, – Баби подходит к мотоциклу, забрасывает ногу на седло позади Стэпа.

Стэп выжимает сцепление. Мотоцикл слегка подвигается. Баби смотрит парню в спину. Стэп оборачивается и смотрит на нее. Баби снова хочет сесть, но Стэп раньше успевает тронуться с места.

– А ну, стой! Совсем уже, что ли?

– Нет, зайка. Я зверь, я животное, я тебе противен – а ты хочешь поехать со мной? Со мной – я же никого и ничего не уважаю? Ишь, чего захотела! Нелогично это, нелогично…

Стэп не улыбается, лицо у него наглое.

– Как можно допустить, чтобы тебя подвез такой мерзавец?

Баби зло, ненавидяще прищуривается. Затем решительно направляется к виа Фарнезина.

– Так я прав?

Баби не отвечает. Стэп усмехается про себя, жмет на газ и догоняет ее. Едет сбоку.

– Уж извини, но тебе же лучше. Ты пожалеешь, что пошла на компромисс. Лучше оставайся при своем мнении. Я животное, а ты идешь домой пешком. Согласна?

Баби снова молчит, пересекает улицу, глядя прямо перед собой. Шагает на тротуар. Стэп за ней. Приподнимается в седле, чтобы смягчить удар. И едет дальше с нею рядом.

– А вот если ты попросишь у меня прощения, возьмешь свои слова назад и скажешь, что ты не права… Тогда все в порядке, я тебя отвезу – и это будет логично.

Баби снова пересекает улицу. Стэп за ней. Подъезжает совсем близко, тянет за олимпийку.

– Ну? Это же так просто, повторяй за мной: прошу прощения…

Баби отпихивает его локтем и бросается бежать.

– Эй, ты куда? – Стэп жмет на гази вскоре догоняет ее. – Что, хочешь дойти до дома пешком? А кстати, ты где живешь? Далеко, наверное? А, я знаю – ты похудеть хочешь! Вообще-то правильно, тяжеловато было тащить тебя в душ.

Он обгоняет ее, ухмыляясь.

– А если мы продолжим знакомство, тебе лучше сбросить пару кило, мне как-то не улыбается таскать тяжести. Впрочем, я тебя раскусил. Ты не любишь себе отказывать ни в чем. Но все равно, лучше похудеть, а то ты меня раздавишь.

Баби больше не сдерживается. Хватает с мостовой бутылку, разбивает ее об урну и замахивается. Стэп резко тормозит и пригибается. Бутылка пролетает, едва не задев его, а мотоцикл глохнет и валится на бок. Стэп выворачивает руль и не дает мотоциклу упасть. Баби стремительно удирает. Стэп слегка задерживается на старте, заводя мотоцикл.

Тут из переулка выезжает какой-то типус на старом Golf. Он замечает бегущую Баби и тормозит рядом с ней:

– Эй ты, красотка, подвезти тебя?

– Эй ты, говнюк, а в морду хошь?

Типус ошалело смотрит на вклинившегося между ними Стэпа. Понимает, что сейчас будут бить, и уезжает, негодующе тряся головой. Вскидывает руку в каком-то непонятном знаке, наверное, притворяясь перед самим собой, что не облажался.

Стэп провожает его взглядом, обгоняет Баби и перекрывает ей дорогу.

– Садись давай, хватит уже.

Она хочет обойти его спереди. Стэп прижимает ее к стене. Он хватает ее за олимпийку.

– Садись, я сказал! – и тащит ее к себе.

Баби испуганно пятиться. Он смотри в глубокие, ясные глаза, что в страхе глядят на него. Медленно отпускает и улыбается.

– Пожалуй, лучше тебя проводить, а то с кучей народу поругаюсь.

Молча, ни проронив ни слова, даже адреса не назвав, она садиться позади него. Мотоцикл прыжком срывается с места. Баби безотчетно обхватывает Стэпа. Ее руки против воли смыкаются под курткой. Его кожа прохладна, а тело греет. Баби чувствует под пальцами хорошо очерченные мускулы. Они выступают от малейшего движения. Ветер бьет ей в лицо, волосы развиваются. Мотоцикл кренится, Баби крепче обнимает Стэпа и закрывает глаза. Сердце бьется все быстрее. Только ли от страха? До нее доноситься шум машин. Они выезжают на широкую улицу, становиться теплее, она прижимается щекой к его спине. Не открывая глаз, она отдается убаюкивающему ритму, мощному звуку, что рычит где-то под ней. И больше ничего. Тишина.

– Вот бы так провести всю ночь, а можно пойти и дальше, так сказать, углубиться, попробовать другие позиции!

Баби открывает глаза, перед ней знакомые магазины, те, что она видит каждый день вот уже шесть лет, с тех пор, как переехала сюда. Она слезает с мотоцикла, Стэп глубоко вздыхает:

– Ну ничего себе, ты меня чуть не раздавила!

– Извини, просто мне было очень страшно, я никогда раньше не ездила на мотоцикле!

– Все когда то бывает в первый раз.

И тут возле них останавливается Mercedes. Раффаэлла быстро выбирается из автомобиля. Она просто не верит собственным глазам!

– Баби, сколько раз тебе говорить, чтобы тебя не возили на мотоцикле! И почему у тебя волосы мокрые?

– Ну…это…

– Синьора, позвольте, я объясню. Я не хотел везти ее домой, так? Скажи маме, что я не хотел. Но она трак настаивала… Дело в том, что ее кавалер на роскошном, но совершенно разбитом BMW сбежал.

– Как это – сбежал?

– А вот так – бросил ее на улице. Представляете?

– Глупости!

– Честное слово! Ну, я его обругал за это, конечно, – Стэп поворачивается к Баби. – Правда же, Баби?

И затем тихонько шепчет только ей: «Знаешь что…Баби. Мне нравиться твое имя».

– Мама, не сейчас, потом поговорим.

Клаудио опускает стекло:

– Привет, Баби.

– Привет, папа.

Стэп здоровается и с ним:

– Добрый вечер, – его изрядно веселит такая неожиданная семейная встреча.

Но Раффаэлла вовсе не веселится.

– Где ты так перепачкалась? И где мое платье от Valentino?

Баби поднимает руку с пакетом:

– Тут.

– А сестра где? Говори сейчас же, где ты ее бросила?

В этот момент появляется Даниела. Она выходит из машины вместе с провожавшим ее Паломби.

– Привет, мам.

Но закончить она не успевает. Раффаэлла залепляет дочке пощечину.

– Не смей больше возвращаться одна без сестры!

– Мама, ты же не знаешь, что произошло…Пришли какие-то хулиганы…

– Замолчи!

Даниела молча потирает щеку. Паломби, слушаясь Раффаэллу, садиться в машину и уезжает.

Стэп заводит мотоцикл и подъезжает к Баби.

– теперь я понимаю, почему у тебя такой характер. Это наследственное.

Врубает первую скорость и, крикнув «До свидания!», растворяется в ночи.

Баби и Даниела садятся в машину. Mercedes въезжает на территорию жилого комплекса. Позже, когда девочки уже раздеваются, Даниела извиняется за порванную сестрину юбку.

Баби лежит в постели, возбужденная этой вечеринкой. Она думает: во всем виноват только этот дебил, этот гопник, это животное, этот скот, этот насильник, это грубиян, этот нахал, этот кретин. Но, задумавшись хорошенько, она понимает, что даже не узнала его имени.

8

– Дани, пусти меня, уже полвосьмого…

– Ну конечно, тогда ты первой займешь умывальник, как всегда. Нет уж.

– Дани, не дури, я тебя пропущу, – Даниела открывает дверь, впускает Баби.

Баби с утра, пока не выпьет кофе, совершенно невменяема, как и их мать. Но Даниела прет напролом:

– А как тебе тот парень, что тебя вчера провожал? Он тебе нравится?

Баби издает странный звук. Она не может ответить – чистит зубы. Смотрит в зеркало не сестру осоловелыми глазами, быстро полощет рот.

– Он? Мне? Нравится? Ты что, издеваешься? Совсем чокнулась? Неужели мне может это понравиться? Скотина такая. Ты знаешь, что он вчера устроил? Разбил с дружками машину Бранделли, потом еще и подрался с ним. Потом мимо проезжал синьор Аккадо, попытался их растащить, так он и на него бросился! Ненавижу тех, кто употребляет голову для драк, вместо того чтобы думать!

– Ну знаешь…а нам он всем нравится!

– Кому это – вам?

– Мне, Джулии, Джованне, Стефании…

– Ну да, четыре подпрыгивающие дебилки прутся по этим…Не понимаю, какая радость в том, чтобы крушить, устраивать бардак, избивать людей…

– У них куча девушек.

– Представляю, что это за девушки!

– Нет, есть и приличные. Например, Глория, дочка Аккадо, встречается с Дарио, это один из дружков Стэпа.

– Стэпа?

– Да, Стефано Манчини, это он тебя провожал. Мы с Джулией зовем его «супер-парень», но все зовут его Стэп.

– Стэп? Вот значит как? По-моему, их надо всех похватать и утопить в реке. Давай быстрее, а то папа опять раскричится, что мы опаздываем.

Баби возвращается в комнату и быстро одевается. Форма лежит на кресле. Баби всегда готовит ее с вечера, даже если совсем поздно. Это уже привычка. Натягивает голубую рубашку, затем юбку.

Стэп. Ну и имечко. Впрочем, ему подходит.

9

Солнце светит на парты. Баби рассеяно оглядывает класс. Бенуччи возится под партой с пиццей. Отрывает кусок, пальцы в помидорах, – и в рот. Жует с невинным видом, прикрыв рот, делает вид, что как ни в чем не бывало слушает лекцию.

Баби на минутку прислушивается к тому, что говорит Джаччи. Молодая девушка в XIX веке не умела ездить верхом, но все равно решила прокатиться. И, конечно же, упала. Баби не так внимательно слушает, чтобы понять, разбилась она или нет. Но ясно, что кто-то, не придумав, видимо, ничего лучше, посвятил ей стихи.

– Итак. Эту оду «Луиджии Паллавичини, упавшей с лошади», подготовите у понедельнику.

Ясно. Это еще и учить придется. Звонок.

– Я сейчас пойду в учительскую, возьму журнал. И не устраивайте без меня дебош.

Девочки вскакивают из-за парт. Три успевают, пока учительница не ушла, выпросить у нее пропуск в туалет. Только одной он нужен по естественным причинам. Две другие закроются в кабинке и предадутся пороку. Насладиться «Мерит» в пику тем, кто твердит, что эти сигареты хуже всех.

Джаччи возвращается. Девочки рассаживаются по местам. Слушают внимательно урок по латинскому стихосложению.

Баби раскрывает дневник. Перелистывает назад. Разноцветные исписанные страницы пролетают перед глазами. Вечеринки, дни рождения, фразочки Паллины, оценки за контрольные. Мнения о посмотренных фильмах, влюбленности возможные, невероятные и минувшие.

«Марко я т.л.» Стоп. Надпись краснеет внизу страницы. И сердечко. Ноябрь. Да, это было в ноябре. И она была безумно влюблена.

Ноябрь. В прошлом году.

– Мама мне ничего не пришло?

– Пришло, письмо на кухне. На столе.

Баби стремглав мчится на кухню, хватает письмо. Знакомый почерк. Она радостно вскрывает письмо. Они вместе уже четыре месяца. Самый длинный ее роман. В общем-то, он же и единственный. Читает письмо.

Баби милая!

В этот знаменательный день (это не открытие Америки…и не первый человек на Луне – лучше! Открытие сезона в «Джильда»? Ну, почти!)…Шутка это, зайка. Сегодня четыре месяца, как мы вместе. И я хочу, чтобы этот день запомнился тебе как самый счастливый, самый романтический, самый прекрасный! Ты готова? Бери Vespa и поезжай. Поезжай искать сокровище! Сокровище в смысле – сокровище любви. То самое, что я подарю тебе. Марко.

P.S. Первый ключ такой:

Поезжай на виллу, там

Ты бываешь по утрам.

On the left увидишь tree —

По – английски говори!

Там немножко покопай

И подарок получай.

Готова? Давай!

Баби, задумавшись, складывает письмо. Вилла – это Вилла Глори, там я бегаю по утрам. По – английски? Он что, думает, что я совсем дурочка? Это же так просто: дерево слева, сразу у входа.

– Мама, я пошла.

– Куда?

– Надо кое – что завести Паллине.

Баби натягивает куртку из шкуры северного оленя.

– Когда вернешься?

– К ужину. Уроки мы сделаем вместе с Паллиной.

Раффаэлла выходит у двери:

– Только не поздно!

– Если что – я позвоню!

Баби выбегает, потом останавливается в дверях и возвращается. Поспешно целует мать и упархивает. Вбежав во дворик, осторожно, бесшумно открывает створку гаража. Выводит Vespa, не заводя, бежит с ней к спуску. Баби проезжает весь корсо Франча и вот она на Вилла Глори. Ставит Vespaна вилку и бежит к воротам. Вокруг женщины гуляют с детьми. Баби приближается к третьему дереву слева. У корней густой кустарник. Она раздвигает его и обнаруживает пластиковый пакет. Берет его и, счастливая, бежит к Vespa. Открывает. Внутри невероятно красивый шарф и записка:

Шарфик я тебе дарю,

Утепляйся к ноябрю

Чтобы гланды не студить

Чтоб не кашлять, не простыть!

Завернувшись потеплей,

В RAI дуй теперь скорей!

Сразу, как к коню придёшь,

И подарок свой найдёшь.

Баби вскакивает на Vespaи улыбается: как это романтично! Обматывается шарфом. Какой он мягкий, какой теплый! Чудесный подарок.

Баби трогается в путь. Заводит Vespaи несется на полной скорости к площади Мадзини. Глушит мотороллер против дворика, обнесенного решеткой. Слезает с Vespa, входит. Сторож с любопытством ее изучает, а затем переключается на мужчину с каким-то непонятным чемоданчиком. Улучив момент, Баби подходит к коню. На брюхе белым мелом нацарапана стрелка. Вниз. Марко, наверное, рехнулся. Она всматривается. Там еще один сверток. Она его забирает. Сторож ничего не заметил. На этот раз в свертке очки. Чудесные Ray – Ban последней модели, маленькие, прямоугольной формы.

А вот и ещё одна записка. Следующий этап – адрес. Виа Кола ди Риенцо, 48. Vespa несется на всех парах.

Баби прибывает по адресу. Это магазин. Она ошеломленно глядит на вывеску. Магазин нижнего белья. Пока что простенькое белье из хлопка ей покупает мама. Баби нерешительно входит. Оглядывается по сторонам. Молодая продавщица, стоя за прилавком, раскладывает только что прибывшие комплекты из серого атласа. Баби перечитывает конец записки:

Если имя назовешь,

Новых шмоток наберешь.

Продавщица, заметив ее, подходит:

– Вам помочь?

– Да. Меня зовут Баби Джервази.

– Ах, конечно же, – продавщица мило улыбается, – мы вас ждём.

Она идет за прилавок:

– Вот, это для вас. Выбирайте, что понравится, – она извлекает три комплекта белья.

Все три атласные. Первый – черный комбидрес с прозрачными фигурными вставками на груди и тонкими бретельками. Другой – из двух предметов, бледно – розовый, с полупрозрачным рисунком чуть светлее ткани. Третий – сливовый, бретельки тоненькие и миниатюрные трусики. Баби внимательно их изучает. Выбирает один, но не в силах поднять голову от смущения. Заметив это, продавщица пробует ей помочь:

– Думаю, что вот этот вам подойдет, – она раскладывает бюстгальтер от розового комплекта. – У вас такая светлая кожа, будет прекрасно смотреться.

Баби робко поднимает глаза:

– Да, я тоже так думаю. Возьму этот. Спасибо.

– Синьорина!

Баби поворачивается к продавщице.

– Этот молодой человек, который…Наверное, это ваш приятель?

– Да, в каком-то смысле.

– Он сказал, чтобы вы сразу надели это белье.

– Но…как же это…

– Если нет, то я не смогу дать вам следующую записку. Он так велел…

– Понятно. Спасибо.

Баби берет розовый комплект и идет в примерочную. Продавщица протягивает ей через занавеску фирменный пакет магазина: «Вот, возьмите, сюда можно положить то белье, что на вас». Баби переодевается. Глядится в зеркало. Молодая продавщица угадала. Ей и правда очень идет. Но тут в голову ей приходит одна мысль. А что скажет мама, когда обнаружит это белье? Придется соврать, что это Паллина подарила, ради прикола. Вместе с Кристиной и еще с кем-нибудь. Баби одевается и выходит из примерочной. Продавщица протягивает Баби очередную записку. А затем мечтательно проводит посетительницу глазами.

Баби углубляется в записку. Куда же ехать теперь? Вот куда – в Дуэ Пини. Это маленький скверик недалеко от школы. Там есть скамейка, где они с Марко частенько целовались. Под скамейкой пакет с лотерейным билетом и новая записка. Охота продолжается. Она едет в ювелирный магазинчик в центре. Там ей приходится спеть песенку перед несколькими посетителями, и продавщица преподносит ей прелестные серьги с бирюзой и очередную записку. В «Бенеттоне» ее ждут блузка и юбка цвета бордо. Записка направляет ее в магазин на виа Венето, там она решает ребус и получает пару чудных туфель в тон костюму. Теперь охота продолжается на виа ди Винья Стеллути, Баби получает от старой цветочницы орхидею и следующую записку. В кафе «Евклид» уже заказаны ее любимые пирожные. Пока Баби поглощает песочные пирожные с кремом и фруктами, кассирша отдает ей последнюю записку:

Свой десерт любимый съела —

Все, чтобы потешить тело.

Но чего-то не хватало…

Или ты уже устала?

Если ты моя девчонка —

Жду тебя в начале гонки!

Баби отправляет в рот последнее пирожное, самую середину, с половиной виноградины. Вытирает губы и уходит. Заводит Vespa и едет по виа ди Винья Стелутти. Если б мама ее видела, не узнала бы. На ней теперь великолепный

бордовый костюм, элегантные туфли, очки Ray – Ban, чудесные сережки с бирюзой, в волосах орхидея, а в кармане лотерейный билет с возможным выигрышем. Раффаэлла, впрочем, осталась бы довольна: вокруг дочкиной шеи обмотан кашемировый шарф. Баби поворачивает на пьяцца Эуклиде и останавливается против ограды Вилла Глори. Здесь началась игра. Она узнает синийGT. Вбегает в главные ворота. Марко стоит, прислонившись к дереву. Баби бежит навстречу, обнимает его. Он вынимает из-за спины розу.

– Это тебе, солнышко. С праздником.

Баби счастливо разглядывает розу. Потом бросается ему на шею и страстно целует. Она влюблена по уши. Да и как можно не влюбиться после такого? Марко легонько отстраняет ее, держа за плечи.

– Дай посмотреть на тебя… Ты чудесно выглядишь. Так элегантно. Кто тебе все это выбирал?

Марко поправляет на ней голубой шарф. Баби, улыбаясь, сияет голубыми глазищами:

– Это ты, ты, мое солнце!

Марко обнимает ее. Они идут к выходу.

– Оставь Vespa тут.

– Зачем? Мы куда-то поедем?

– Выпить по коктейлю и поужинать.

– Мне надо предупредить маму.

Баби садиться в GT. Марко услужливо ставит замок на переднее колесо мотороллера. Потом садиться в машину, и вот они уже несутся в вечернем потоке. Баби звонит маме. Та в это время играет в карты у Бонелли. Раффаэлла так увлечена игрой, что слушает объяснения Баби весьма рассеянно. Они идут в Пиццерию. С ней Марко и ещё ребята. Мотороллер она оставила у Паллины,

завтра заберет. Марко подарил ей шарф. Может быть, последняя новость смягчила Раффаэллу, и Баби отпустили.

Они ужинают у Матричано, в известном ресторане на виа Гракки ин Прати, туда ходят актеры и вообще знаменитости.

Они беседуют об охоте за сокровищем. Баби говорит, что ей ужасно понравилось. Такие чудесные подарки, все подружки обзавидуются. Марко прибедняется, но по всему заметно, как он гордится этой идеей.

Он смеется: я примчался наВилла Глори, беспокоился, что ты не поняла записку и не пришла. Баби делает вид, что обиделась. Марко улыбается ей. Баби касается своих волос. Марко гладит ее по руке. Входит знаменитый актер сникому еще неизвестной красотой. Впрочем, судя по ее поведению, скоро она прославится. Официант здоровается с актером и тут же усаживает его за столик. Баби замечает актёра. Она вертится, чтобы его разглядеть, и сообщает об этом Марко. Тот наливает ей вина, изображая полное безразличие к этой новости. Почти все посетители пытаются вести себя, как Марко. Кое-кто, не удержавшись, поворачивается взглянуть на актера. Кое-кто с ним здоровается, гордо показывая всем, что они знакомы. Актер отвечает на приветствие и шепчет своей красотке, что совершенно не знает этих людей. Она более или менее искренне смеется. Наверное, она станет неплохой актрисой. Многие по-прежнему едят, притворяясь, что видят этого актера каждый день. На самом деле непонятно, почему Матричано на таком пике популярности. Люди ходят сюда, чтобы повстречать знаменитостей, а когда те приходят, делают вид, что их не замечают.

Позже они гуляют по центру. Заходят к Джолитти и заказывают по мороженному. Баби ругается с официантом из-за двойных сливок. Чтобы умилостивить ее, Марко доплачивает сверху. Потом, обсуждая мороженное, официанта, Джолитти и двойные сливки, они не замечают, как оказываются у самого дома Марко. Тихонько входят, стараясь не разбудить родителей. На цыпочках идут в его комнату. Закрывают дверь, немного успокоившись, включают радио. Совсем тихо. Нежным поцелуем он увлекает ее на кровать. На радиостанции нежный женский голов объявляет час романтической музыки. Нахальная луна подглядывает за ними через окно. Баби тает от ласк в таинственном полумраке. Марко медленно раздевает ее. Оставляет только лифчик и трусики. Целует шею, ключицы, плечи, перебирает волосы, легонько касается маленькой гладкой груди. Потом приподнимается и смотрит на нее.

Баби лежит под ним. Она стесняется, ей немного страшно. Марко ей улыбается. Белые зубы блестят в полутьме.

– Я знал, что ты выберешь это белье. Ты просто прекрасна.

Ее губы полураскрыты. Марко наклоняется и целует ее. Она, почти не шевелясь, нежно, мягко отвечает ему на поцелуй. Этой ночью на радио звучат самые чудесные песни. Во всяком случае, им так кажется. Марко нежно, ласково настаивает на том, чтобы пойти дальше. Но увы. Ему удается только снять с Баби бюстгальтер. Вот и все, и ничего больше. Потом он отвозит ее домой. Провожает до дверей и нежно целует, старательно скрывая злость. И уезжает в ночь. Ему приходит на память песня Биттисти. О том, что девушка похожа на торт со взбитыми сливками: радуется, если ее не попробовали.

10

Воспоминания…

Внезапно повисает необыкновенная тишина. Класс будто застыл, зависнув в воздухе. Баби оглядывает девушек вокруг, своих товарок. Милые, отвратительные, тощие, толстые, красивые, страшные, миленькие. Вот Паллина. Кто то быстро листает учебник, другие взволнованно повторяют заданное. Одна особенно нервная трет пальцами лоб и глаза. Другая наклоняется в бок, чтобы скрыться. Настало время опроса. Джаччи ведет указывающей дланью по списку. Это все игра-она уже знает, где остановиться. «Джаннетти!» Девушка встает, оставив на парте призрачные надежды и немного макияжа. «Феста!» Берет свою тетрадь и Сильвия. Она едва успела списать перевод. Сильвия идет меж двух рядов, подходит к кафедре и сдает тетрадь. Встает у двери, рядом с Джаннетти.

Они обескураженно глядят друг на друга, пытаясь найти силы в объединившей их беде. Джаччи поднимает голову от списка и оглядывает класс. Некоторые девушки уверенно встречают взгляд, показывая, что они подготовились. Одна из притворяшек подалась вперед, чуть ли не напрашиваясь. Сердца отчаянно колотятся.

– Ломбарди.

Паллина поднимается. Смотрит на Баби. Будто перед смертью прощается. Идет к кафедре, как приговоренная.

Паллина встает между Джаннетти и Феста. Сильвия ободряет ее улыбкой, шепчет: «Выкрутимся как-нибудь», отчего Паллине становится совсем не по себе. Первой спрашивают Джаннетти. Она переводит кусок текста, спотыкаясь на ударениях. Безуспешно ищет, как верно перевести слово на итальянский. Не отвечает, от какого глагола происходит «давнопрошедшее» время. Случайно угадывает причастие будущего времени, но герундий ей образовать не удается. Сильвия Феста мучается над первой, самой легкой частью перевода. Глагол она неназвала, даже близко не угадала. И почти призналась в том, что перевод списала. Она рассказывает неправдоподобную историю про то, что ее мать больна, что она и сама себя плохо чувствует. Непонятно как, ей удается верно просклонять существительное третьего склонения. Паллина застывает от ужаса. Ей досталась третья, самая трудная часть перевода. Она быстро и почти без ошибок читает текст. Но на этом месте и останавливается. Затем выдает чересчур вольный вариант перевода. Но аккузатив не в том месте делает фразу совершенно не правильной. Баби обеспокоенно смотрит на подругу. Паллина не знает, что делать. Баби открывает учебник. Читает предложение. Сравнивает с переводом одной из зубрилок. Легким шепотом привлекает внимание Паллины. Джаччи со скучающим видом смотрит в окно, дожидаясь, пока Паллина ответит.

Баби распластывается на парте и, спрятовшись за спиной впеди сидящей, подсказывает свой задушевной подружке, как верно перевести. Паллина шлет ей воздушный поцелуй и повторяет в полный голос то, что Баби ей только что прошептала. Джаччи, неожиданно услышав нужные слова на нужном месте, поворачивается к классу. Слишком уж это хорошо, чтобы быть случайностью.

– Великолепно. Кажется, кое-кто у нас готов отвечать. Джервази, поскольку вы явно знаете лучше всех, идите к доске и переводите.

Паллина виновато перебивает Джаччи.

– Синьора Джаччи, извините, это я виновата, я сама попросила ее…

– Замечательно, Ломбарди, ценю вашу честность. Очень благородно с вашей стороны. Однако, вне всякого сомнения, вы совершенно ничего не знаете. А теперь я хотела бы послушать Джервази. выходите, выходите.

Баби поднимается, но остается на своем месте.

– Синьора Джаччи, я не готова.

– Замечательно, но тем не менее-выйдете, пожалуйста к доске.

– Зачем мне выходить к доске-чтобы повторить тоже самое? Я не готова. Яне смогла выучить, извините. Поставьте «неуд».

– Хорошо, поставлю. Вы довольны?

– Почти так же, как Катинелли, когда не дает списать!

Класс смеется. Джаччи бьет рукой по списку.

– Тишина! Джервази, дайте дневник. Может замечание порадует вас еще больше. И вашу мать тоже-ей придется это подписать.

Баби относит дневник, учительница быстро и зло записывает. Закрывает дневник и возвращает владелице.

– Завтра принесете с подписью родителей.

Баби думает: есть в жизни вещи и похуже, но лучше сейчас об этом не распространяться вслух. Молча возвращается она на свое место.

Сильвии поставили пять баллов. Это явно слишком много за такой убогий ответ. Может быть, в зачет пошли ее извинения. Но даже в них ей стоит немного поупражняться. Ее мать так часто болеет, что того и гляди скончается.

Паллина возвращается на место с четырьмя баллами. По правде говоря, она и их не заслуживает. Джаннетти удается получить удовлетворительную оценку.

Джаччи, ставя отметку, награждает Джаннетти латинской пословицей об одноглазом, который счастлив жить в стране слепых. Баби открывает дневник. Заглядывает в конец, на последние страницы. Рядом с алфавитным списком одноклассниц два листочка, на которых она отмечает, кого уже спросили. Баби ставит последние галочки напротив фамилий Джаннетти, Ломбарди и Феста. Круг опросов замкнулся. Затем Баби ставит галочку напротив своего имени. Она вспоминает о замечании. Читает его.

«УВАЖАЕМАЯ СИНЬОРА ДЖЕРВАЗИ! ВАША ДОЧЬ ЯВИЛАСЬ НА УРОК ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА СОВЕРШЕННО НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ. КРОМЕ ТОГО, КОГДА ЕЕ СПРОСИЛИ, ОТВЕЧАЛА ВЕСЬМА НАГЛО. ОБРАТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВНИМАНИЕ НА ЕЕ ПОВЕДЕНИЕ. С УВАЖЕНИЕМ, ПРОФ. А.ДЖАЧЧИ.»

Баби захлопывает дневник. Смотрит на преподавательницу. Вот же сука. Потом задумывается о матери. Подумать только, замечание! Наверное, ее накажут. Опять раздуют целый скандал. Или еще что-нибудь придумают.

11

Овчарка бежит по пляжу с палкой в зубах. Легко отталкивается, едва касаясь песка, поднимая фонтанчики. Подбегает к Стэпу. Он выдергивает чуть обслюнявленную палку из пасти. Пес ложится, умостив голову между вытянутых передних лап. Стэп делает вид, что бросает палку вправо. Пес дергается, но напрасно. Стэп снова делает вид, что хочет бросить палку.

Наконец он кидает палку далеко в воду. Собака срывается с места. Тут же ныряет. Голова пса мелькает меж волн, он плывет против течения. Палка плавает немного дальше. Стэп сидит, смотрит. Чудесны день. Еще никого нет. И вдруг – страшный шум. Яркий свет. Собака исчезает. Исчезает и море, и далекие горы, холмы справа, песок.

– Какого черта?

Стэп переворачивается на другой бок, накрывая голову подушкой.

– Кто там приперся?

Полло подняв жалюзи, открывает окно:

– Мать моя, ну и вонища! Надо проветрить. На, держи, я тебе бутербродов принес.

Полло швыряет на кровать зеленый пакет из кафе «Евклид».

Стэп вылезает из – под одеяла и потягивается.

– Тебя Мария впустила?

– Да, она сейчас кофе варит.

– Который час?

– Десять.

Стэп встает с постели.

– Чтоб ты сдох, нельзя было дать мне еще чуть-чуть поспать?

– Я тебя бить не буду только потому, что ты принес еды, – и направляется на кухню, Полло следом.

Еще горячий кофейник стоит на деревянной подставке. Рядом кувшин с теплым молоком и холодное в невскрытом голубом пакете.

Уборщица Мария, невысокая женщина лет пятидесяти, выходит из комнатки рядом, где она гладит.

– Мария, вот его, – Стэп указывает на Полло, – что бы ни случилось, не впускать в этот дом раньше одиннадцати часов.

– Сейчас я приму душ, и пойдем с тобой забирать мотоцикл.

– Ты знаешь, есть одна проблемка… Мне нужно двести евро.

– Как это? Ты же вчера столько спер?…

– Я весь в долгах. Мне надо купить продуктов, заплатить за химчистку, и еще я должен денег Фурио, знаешь, тому, из тотализатора.

– Что делать будем?

– Я думаю. Сицилиец и остальные сами без гроша, так что лучше и не заикаться.

– Ну и как нам быть?

– Танцуй. Я придумал.

Полло смотрит на друга с надеждой:

– И чего?

– Деньги даст мой братец.

– Как это – даст?

– Так это. Я их буду вымогать.

Полло слегка успокоился: «Ну ладно». Шантажировать брата – что может быть естественнее? На секунду он даже расстроился, что единственный сын у своих родителей.

Паоло, брат Стэпа, в офисе. Элегантно одетый, сидит за таким же элегантным письменным столом, занимается делами синьора Форте, одного из самых влиятельных клиентов финансового общества. Паоло учился в университете Боккони. Окончив с отличием университет, он вернулся из Милана и тут же нашёл себе неплохое место специалиста по торговому праву. Он эффективный менеджер. На самом деле его порекомендовал отец. Но ему удалось удержаться, и он гордится тем, что это уж целиком и полностью его заслуга. Это правда, хотя в компании никогда никого не увольняли.

Юная секретарша в кремовой блузке, черезчур, пожалуй, прозрачной для мира налогов и облегчённых налоговых схем – мира, в котором прозрачность не приветствуется, – входит в кабинет Паоло.

– Синьор?

– Да, слушаю вас, – Паоло отвлёкся от бумаг, чтобы заинтересоваться лифчиком секретарши, и лишь потом – тем, что она скажет.

– Пришёл ваш брат с другом. Впустить их?

У Паоло нет времени, чтобы выдумать благовидный предлог. Стэп и Полло вламываются в кабинет.

– Конечно, ты меня впустишь. Я тебе брат или кто? Кровь от крови, так сказать, сеньорина. Мы всё делим пополам. Понимаете? Всё!

Стэп берёт секретаршу за руку, намекая тем самым на вероятную, хоть и отдалённую возможность, что эта юная красотка, помимо бумаг и звонков, приносит Паоло кое-что ещё.

– Так что меня можно впускать всегда, правда, Па?

Паоло кивает.

– Конечно.

Секретарша смотрит на Стэпа. Привыкнув иметь дело с мужчинами немолодыми, коварными и при галстуках, к нему она относится с уважением.

– Извините. Я не знала.

– Ну вот, теперь знаете, – Стэп улыбается ей.

Он не отпускает её руку, секретарша смотрит на него.

– Можно идти?

Паоло, несмотря на новые очки, ничего не заметил и отпустил её:

– Конечно, синьорина, идите.

Они остаются одни. Полло и Стэп усаживаются в кожаные вращающиеся кресла напротив Паоло. Стэп сидит, нахально развалясь. Затем отталкивается от стола.

– Слушай, а у тебя хороший вкус на секретарш, – Стэп прокручивается и снова сидит лицом к Паоло. – Признавайся, ты её отодрал. Или хотел отодрать, а она не дала? Тогда уволь её, тебе-то что?

Паоло устало глядит на него:

– Стэп сколько раз тебе говорить – когда приходишь сюда, не выражайся и не устраивай бардак. Я тут, между прочим, работаю. И все меня знают.

– А что я такого сделал? Или Полло? Скажи ему, что я ничего такого не сделал.

Паоло вздыхает.

– С вами говорить бесполезно, только время зря тратить. Вот вчера вечером. Я тебя сколько раз просил: если приходишь поздно, будь потише. А ты не слушаешь. Вечно устраиваешь ужасный шум.

– Ну извини, Па. Вчера я страшно хотел жрать. Что мне, совсем не есть? Я только бифштекс себе приготовил.

Паоло иронически улыбается.

– Нет, я не хочу, чтоб ты оставался голодным. Проблема в том, как ты это делаешь. Шумишь, хлопаешь окнами, дверцей холодильника… Тебе плевать, что я сплю, что мне рано вставать! Тебе, конечно, по фигу, ты встаёшь, когда хочешь. Кстати, ты сегодня обедаешь с папой.

Стэп выпрямился в кресле.

– Откуда ты знаешь? Вы с ним говорили обо мне?

– Он мне сам сказал. Он мне позвонил. Всё равно я бы не мог ничего рассказать – я о тебе ничего не знаю, – Паоло внимательно смотрит на брата. – Знаю только, что ты одеваешься бог знает во что, тёмные куртки, джинсы, спортивные туфли… ты выглядишь как бандит.

– А я и есть бандит.

– Стэп, прекрати идиотничать. Кстати, а зачем ты пришёл? Серьёзно? Тебе что-то от меня нужно?

Стэп переводит взгляд на Полло, потом снова на брата.

– Да, в общем, ничего не нужно. Дай мне триста евро.

– Триста евро? Ты с ума сошёл? И где я тебе их возьму?

– Хорошо, тогда дай двести.

– Даже не проси, всё равно ничего не дам.

– Да?

Стэп надвигается на Паоло. Тот испуганно пятится. Стэп улыбается.

– Тихо, братишка, успокойся, я тебе ничего не сделаю.

Затем нажимает кнопку интеркома и вызывает секретаршу:

– Синьорина, зайдите, пожалуйста.

Секретарша не обратила внимания, что голос чужой.

– Да, сейчас.

Стэп усаживается в кресле поудобнее и ухмыляется Паоло.

– Итак, братец, если ты мне не дашь двести евро, я сорву трусики с твоей секретарши.

– Что? – Паоло не успевает ничего добавить.

Открывается дверь и входит секретарша.

– Что вам угодно, синьор?

Паоло пытается выкрутиться:

– Ничего, ничего, идите.

Стэп поднимается.

– Нет, синьорина, погодите минутку.

Степ подходит к секретарше. Девушка молча уставилась на братьев, не зная, что делать. Такая ситуация не входит в круг её обычных обязанностей. Секретарша вопросительно смотрит на Степа.

– Что такое?

Стэп изучает её, ухмыляясь.

– Интересно, сколько стоят ваши трусики?

Секретарша смущается:

– Но как же это…

Паоло встаёт:

– Стэп, хватит! Синьорина, идите…

Стэп хватает её за руку.

– Подождите, всего минутку. Паоло? Дай Полло то, что нам нужно, и мы выпустим синьорину.

Паоло вынимает бумажник из внутреннего кармана пиджака, достаёт несколько банкнот по пятьдесят евро и злобно суёт их Полло. Полло пересчитывает деньги, подаёт знак Стэпу, что всё в порядке. Стэп, улыбаясь, отпускает секретаршу:

– Благодарю, синьорина, вы нам очень помогли. Что бы мы вообще без вас делали?

Секретарша оскорблённо удаляется. Паоло встаёт с кресла и огибает стол.

– Так, деньги я вам дал. А теперь вон отсюда, вы мне надоели.

Он было хочет их вытолкать, но затем решает, что словами будет эффективнее.

– Стэп, если так будет продолжаться, то тебя ждут неприятности.

Стэп уставился на брата:

– Шуточки шутишь? Какие ещё неприятности? У меня не бывает неприятностей. Я и неприятности – вещи разные, мы и не встречаемся никогда. Деньги я попросил для друга, у него некоторые трудности, вот и всё.

– И потом, Паоло, как ты себя ведёшь перед Полло? Из-за каких-то двухсот евро. Как будто их у тебя попросил не пойми кто. Раздуваешь скандал из ничего.

Паоло присаживается на край стола.

– Не знаю, как у тебя это получается, но в итоге всегда оказывается, что неправ я.

– Я этого не говорил. Но, может быть, оттого, что ты ненавидишь этот офис, оттого, что ты сидишь и считаешь деньги, с тобой приключилась какая-то болезнь, и ты ну никак не можешь дать денег, даже в долг?

– В долг, говоришь?

– Ну конечно, я же тебе всегда возвращаю. Я тебе всё верну. Знаешь, тебе не мешало бы развеяться. Развлечься. Ты что-то бледный… Поехали со мной покатаемся на мотоцикле?

Паоло от избытка чувств даже снимает очки.

– Ты издеваешься? Ни за что. Лучше умереть. Кстати, насчёт смерти… Она не дремлет. Вчера я ездил в «Тартаругино» – и ты знаешь, кого я там видел?

Стэп рассеянно прислушивается. В «Тартаругино» никто из тех, кто его интересует, не пришёл бы. Однако он решает не расстраивать брата. Отчасти потому, что тот всё же выдал ему двести евро.

– И кого же?

– Джованни Амброзини.

Стэп едва не подпрыгнул. Сердце оборвалось. В нём начинает подниматься волна злобы, но он её успешно скрывает.

– Правда?

Паоло продолжает.

– Он был с какой-то красавицей старше его. Когда мы встретились, он беспокойно оглядывался. Кажется, он был напуган. По-моему, боялся, что туда явишься ты. Потом, когда увидел, что тебя нет, успокоился немного. Даже улыбнулся. Хотя это скорее была гримаса. Челюсть у него по-прежнему не на месте. Остальное ты и так знаешь. Но вот почему ты его так избил? Ты не рассказывал…

Да, правда, думает Стэп. Он не знает. И никогда ничего не знал. Стэп берёт Полло под руку и направляется к выходу. В дверях оборачивается. Смотрит на брата. Тот сидит за столиком. Круглые очочки, дорогая стрижка, великолепная укладка, одет безукоризненно, сорочка отглажена – сам учил Марию, как надо гладить. Нет, лучше уж ему не знать. Стэп улыбается.

– Хочешь, скажу, за что я избил Амброзини?

Паоло кивает:

– Да, давай.

– За то, что он мне всё время говорил, чтобы я лучше одевался.

уходят они так же, как и вошли. Наглые и весёлые. Расхлябанной, немного хулиганской походочкой. минуют секретаршу. Стэп говорит ей что-то. Она провожает его взглядом. Они входят в лифт, приезжают на первый этаж. Стэп здоровается с портье.

– Привет, Матринелли, прикури-ка нам парочку.

Мартинелли вытаскивает из кармана пиджака мягкую пачку недорогих сигарет. Щёлкает пальцем по дну, чтобы выбить две штуки. Полло и Стэп потрошат пачку.

13

На узкой улочке гараж, а в гараже Серджо, механик. На нем синий комбинезон с бело-зелено-красным прямоугольником Castrol на спине. Каждый раз, когда ему пригоняют мотоцикл, что бы с тем ни случилось, Серджо, проверив машину, говорит: «Надо кое-что сделать, а потом еще и маслице сменим».

Перед гаражом тормозит мотоцикл Стэпа. По выхлопу слышно, что уж этот VF 750 в ремонте не нуждается. Серджо вытирает руки тряпкой.

– Привет, Стэп, что случилось? Поломался?

Стэп смеется. Ласково похлопывает по бензобаку.

– Эта лошадка таких слов не знает. Нет, мы приехали забрать драндулет Полло.

Между тем Полло подходит к своему мотоциклу. Это старый Kawasaki 550. Настоящий гроб.

– Все в порядке. Пришлось поменять поршни, кольца и движок. Но некоторые запчасти я тебе поставил бэушные.

Серджо перечисляет прочие, более дорогостоящие работы.

– Ну и масло поменяли.

Полло уставился на него. Это с ним не согласовали. Серджо даже не заикнулся.

– Но это я в счет не включил. Считай, подарок.

Годом раньше Серджо уже имел с этой парочкой бурный спор и с тех пор научился вести себя с ними.

Была весна. Стэп пригнал свою свежекуплен-ную Honda на техобслуживание и заметил: «Надо бы посмотреть боковой колпак, он что-то дрожит».

Через несколько дней Стэп приехал забрать мотоцикл. Без возражений оплатил счет, включая замену масла. Но когда он опробовал Honda, обнаружилось, что колпак по-прежнему дрожит. Стэп вернулся вместе с Полло и предъявил Серджо брак. Серджо начал уверять, что отрегулировал его наилучшим образом. «Если хочешь, я тебе снова подрегулирую, но тогда придется приехать еще раз и заплатить». Вдобавок к этому Серджо совершил огромную ошибку. Он подошел к Стэпу, похлопал его по плечу, и это-то и вышло ему боком.

– И потом, мало ли как ты обращаешься с мотоциклом. Вот и расшатал колпак.

– Это ты зря. Боковые части мотоцикла очень просто расшатать. Вот, смотри…

Стэп углубился в ряды мотоциклов перед гаражом. Начал он с яростного пинка по Honda 1000, она упала на стоящую рядом Honda Custom – в идеальном, кстати, состоянии. Та тоже свалилась – на Suzuki 750, и дальше – на легкий белый SH 50. Мотоциклы дорогие и модные, новые и подержанные валились друг на друга с жутким металлическим грохотом, влекомые разрушительной волной, как кости домино, только игра эта обошлась дорого. Серджо попытался удержать их. Но напрасно. Наконец последний Peugeot рухнул, разворотив себе весь борт. Серджо ужаснулся. Стэп, ухмыляясь, заявил: «Ну что, видел, как это просто? Если ты мне сейчас же не отремонтируешь мотоцикл, я тебе гараж подожгу». Не прошло и часа, как колпак был отрегулирован. Больше он не дрожал. А Стэп не заплатил.

– Смотри, Полло, он, считай, на обкатке сейчас. Ты поаккуратнее, что ли…

Полло отпускает рукоятку газа.

– Вот блин, и правда. Сегодня вечером гонка, а я все равно без мотоцикла. И нафига напрягались?

Полло переводит взгляд на Стэпа.

– Кстати, а ты не мог бы…

Стэп, быстро сообразив, откуда ветер дует, затыкает друга.

– Стоп. Полегче. Мотоцикл мой не трогать. Я тебе дам все что надо, но мотоцикл не хапать. Один раз побудешь зрителем.

14

На пьяцца Эуклиде, перед выходом из школы Фальконьери, в два ряда стоят машины. Позади остальные водители, у которых есть дела, но нет дочерей, посещающих эту школу, отчаянно гудят: этакий концерт в стиле постмодерн.

Парни на Peugeot и SH 50 останавливаются прямо перед лестницей. Как раз в эту минуту подъезжает Раффаэлла. Находит местечко с другой стороны улицы, напротив бензоколонки, не доезжая церкви, и вписывается туда на четырехдверном Peugeot 205. Паломби ее узнает и, памятуя о вчерашнем вечере, почитает за лучшее удалиться.

Он подходит к группе парней у подножия лестницы. Тема дня: вечеринка у Роберты и хулиганы. Один из ребят рассказывает свою версию произошедшего. Скорее всего, не врет, судя по синякам. Хотя, если даже кто-нибудь там и избил его, то все остальное могло быть и выдумано. К компании присоединяется Бранделли.

– Привет, Малыш, как жизнь?

– Нормально, – врет он не краснея.

Однако приятель верит. Малыш теперь вообще дока по части лжи. Он изощрялся в ней все утро, когда отец увидел, во что превратился BMW.

Малыш застывает на месте. Его мечты неожиданно стали явью. Но ему от этого вовсе не радостно. Появляются Стэп и Полло, на полной скорости вписываясь в поворот на кренящихся мотоциклах. Обгоняют какую-то машину и останавливаются в нескольких метрах от Бранделли. Прежде чем Стэп узнал его, Малыш разворачивается, садится на Vespa, последнее оставшееся в его распоряжении средство передвижения, и удирает. Стэп закуривает сигарету из тех, что спер у Мартинелли, и говорит Полло:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mochchia_federiko/tri-metra-nad-nebom-naveki-tvoy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити